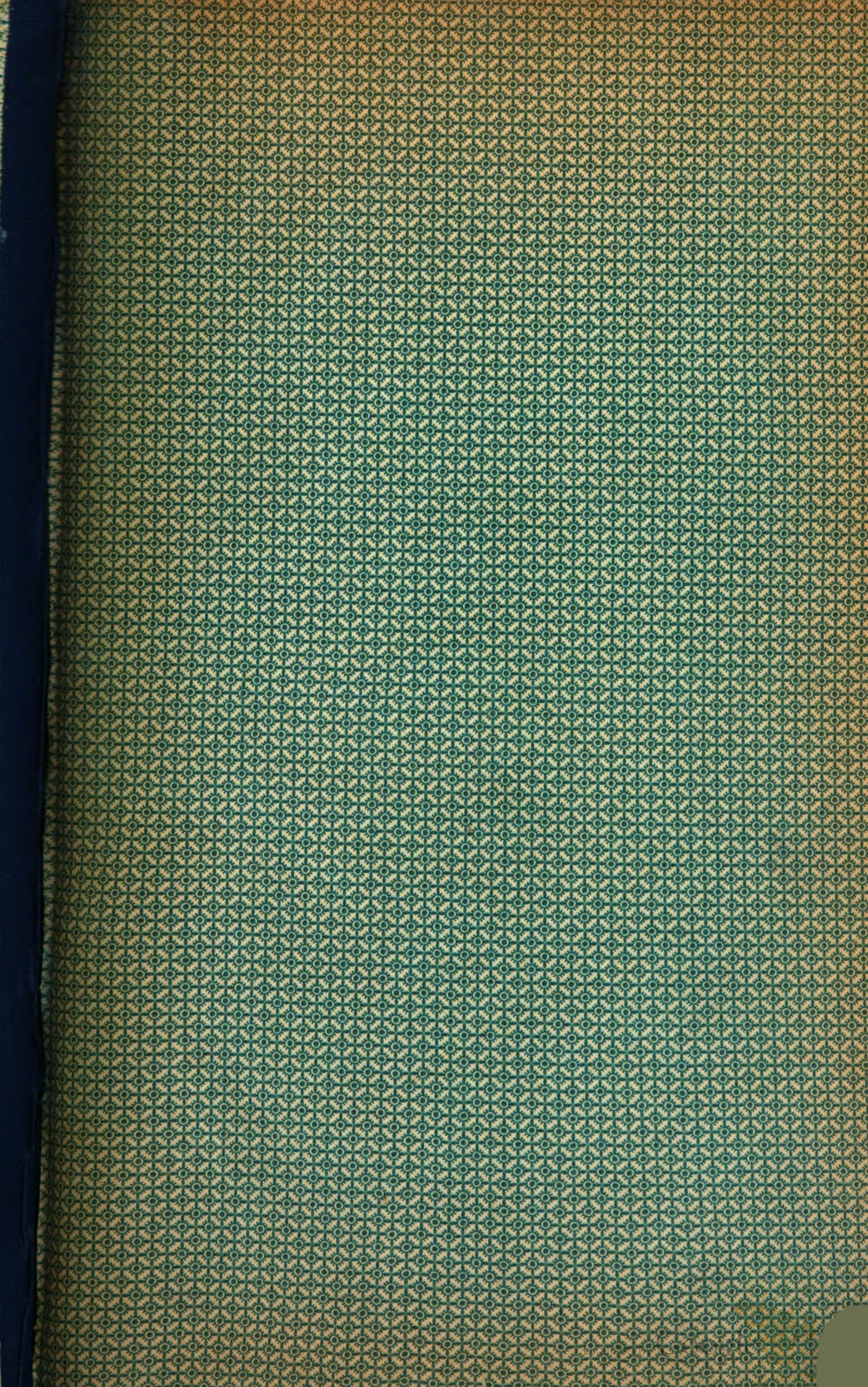
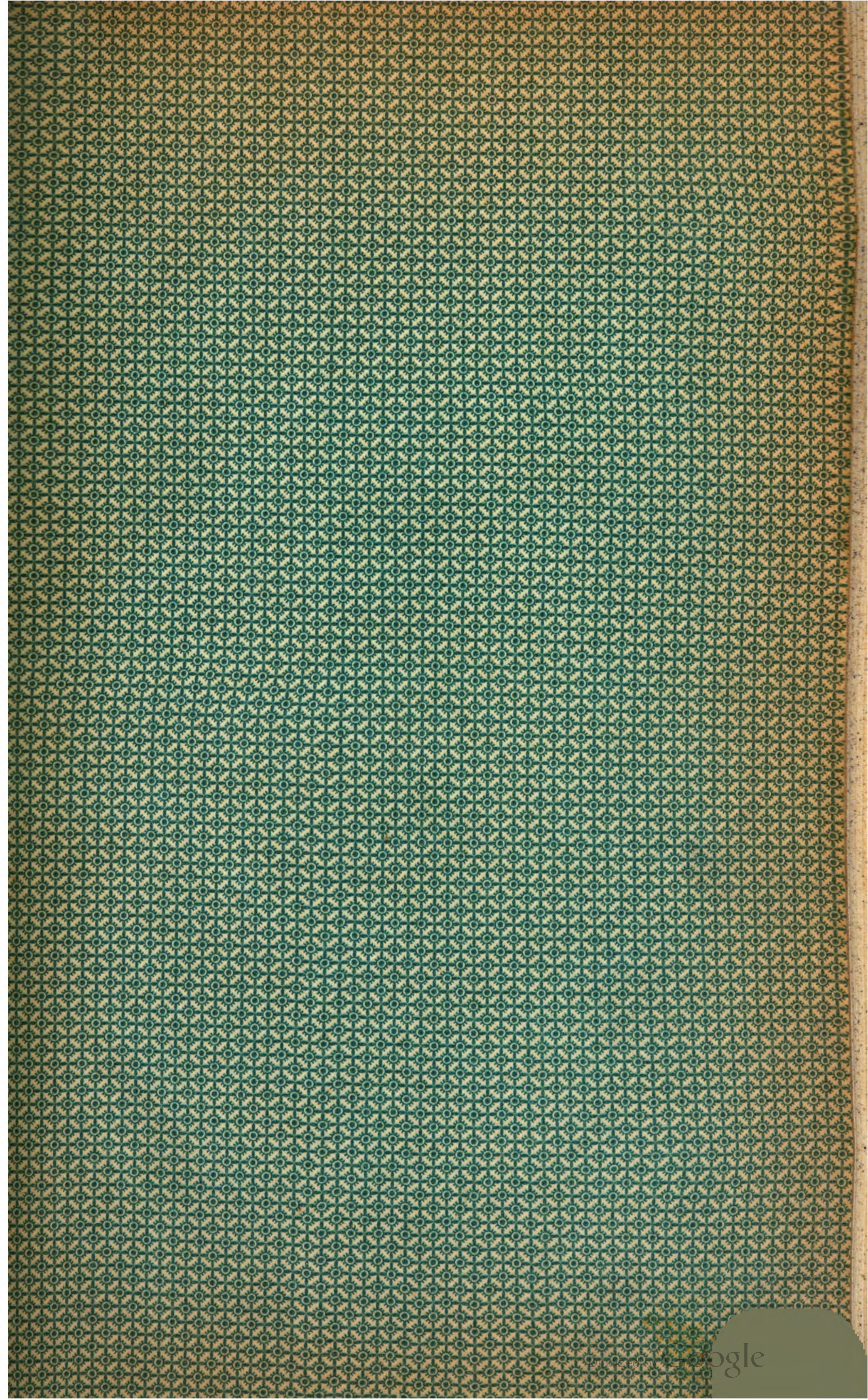






П. Бракенгеймеръ.

УНИФОРМИРОВАНІЕ

ВЪ ЯЗЫКАХЪ ЛИТОВО-СЛОВЕНСКОЙ СЕМЬИ

съ изслѣдованіемъ

УРАЛО-АЛТАЙСКИХЪ НАРѢЧІЙ.

Составлено по Ал. Брикнеру—„Litau-Slavische Studien“ и докт. Авг. Алквисту „Forschungen auf dem Gebiete der Ural-altaischen Sprachen“.

ОДЕССА.

Центральная типо-литографія, уг. Авчинникова переулка и Почтовой ул., домъ Болгарева.

1893.

Дозволено цензурою. Одесса, февраля 15-го дня 1893 г.



Есть живѣйшій свидѣтель въ видѣ костей, оружія и гробницъ — и это ихъ языкъ.

Я. Гриммъ.

Понимаемая въ широкомъ смыслѣ — исторія каждаго народа, заключая въ себѣ опытность міра и разумъ вѣковъ, представляетъ, по остроумному выраженію Сегюра д' Аргессо (Louis Philippe) апелляціонныя жалобы на современныя заблужденія, или ошибки, поданныя въ судъ потомства.

„Представляя лищь выраженное поступкомъ *)", чуждая лирическаго начала, исторія спеціальнаго обсужденія жизнедѣятельности народа можетъ ли титуловаться свѣтлымъ послухомъ въ громоздкомъ архивѣ подернувшейся въ иноязычествѣ туманомъ дали? Всѣ исторіи обѣщаютъ намъ правду, и ни одна не передаетъ ея безъ искаженія. Лишь языкъ, справедливо замѣтилъ Моммсенъ, въ изображеніи извѣстной эпохи есть вѣрная картина: онъ одинъ можетъ быть признанъ за вѣрное орудіе обслѣдованія переворотовъ въ области нравственной и въ практическомъ мірѣ. По убѣжденію М. Миллера — отражать исторію культуры народа способенъ лишь языкъ его.

Строго-лингвистическимъ путемъ добытыя данныя переживаютъ сѣдину вѣковъ.

Прошлое финновъ, если вѣрить Тациту, не противорѣчитъ современному о нихъ представленію: старина ихъ сурова. Кастренъ учитъ, что они были бѣдны, питались охотой, жили въ палаткахъ, облачались въ кожи и т. п. Все это — особенности, которыя во времена Тацитовы, по всей вѣроятности, замѣчались и у нашихъ предковъ.

*) Ор. Миллеръ.

I.

Извѣстность факта родства языковъ славянскаго и литовскаго установлена еще въ прошломъ столѣтіи*), хотя, большею частью, — изъ разсмотрѣнія коренныхъ словъ обоихъ языковъ, а не изъ грамматики ихъ. Нельзя не замѣтить, что это сходство — лишь кажущееся, не взирая на сродство звуковъ или значенія. Большинство литовскихъ словъ заимствовано изъ языка славянскаго **), что можетъ быть доказано географіею страны и исторіею ея развитія. Не глухимъ послухомъ служитъ въ данномъ дѣлѣ уже одно сосѣдство съ славянами западными и русскими въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ — самое тѣсное; а отсюда:

а) взаимныя нападенія 1040 г., 1044 и др. на русскія границы ***);

б) мирныя торговыя сношенія *вѣковыя* славянъ, собственно — русскихъ, и литовцевъ;

---

*) Такъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ „Unterschungen über die nordischen Völker“—Thunmann'a, также„ Vie de Russie“ — Tooke, не говоря уже о Шафарикѣ: „Geschichte der slav. Sprache und Literatur“ Поттѣ: „Etymolog-Forschung“, Крашевскомъ и др.

**) „Dzieje starożytne narodu Litewskiego“— Narbutt'a. Cp „Obraz Litwy pod wzgledem jej cywilizacji“ — I. Ярошевича.

***) До Азова въ 1396 г., при Ольгердѣ Гедиминовичѣ: со смертью Ольгерда завоеванныя земли переходятъ во владѣніе русскихъ.

в) главенство русской церкви *); —

г) вторженія на польскую территорію 1229...**);

д) ежедневное общеніе чужеземцевъ съ туземцами: обоюдное заимствованіе.

Вліяніе стихіи славянской сказалось не только на составѣ литовскаго языка, но и вѣрованіяхъ, суевѣрныхъ примѣтахъ, въ обычаяхъ и нравахъ, а также — въ одеждѣ и въ способѣ питанія ***).

*) Ср. значеніе обоюдности брачныхъ союзовъ и эмиграціи недовольныхъ политиковъ въ Россію. Успѣшное распространеніе русскими христіанства въ Литвѣ способствовало усиленному росту привиллегированнаго положенія русскаго языка, а съ пріобрѣтеніемъ правъ оффиціальности утверждается перевѣсъ его надъ туземнымъ, или литовскимъ.

**) 1323 г. — при бракосочетаніи литовской принцессы Алдоны съ Казимиромъ польскимъ 24000 рабовъ отпущены изъ Польши въ отечество и поселены въ серединѣ Литвы. Общеніе пришлаго элемента съ туземнымъ заставляло, естественно, послѣднихъ позаимствоваться изъ языка первыхъ. О соперничавшей судьбѣ славянскаго на литовцевъ воздѣйствія, можно сказать, что русское вліяніе — до 1569 г., съ момента же окончательнаго соединенія Литвы и Польши перевѣсъ надъ русскимъ верховенствомъ переняло господство вліянія польскаго: въ 1525 г. въ Вильнѣ была русская книгопечатня, но съ 1569 г. языкъ польскій сталъ языкомъ туземнымъ. Опасенъ предположительный взглядъ на литовцевъ, какъ на племя вымирающее: причина—польскій элементъ; въ деревняхъ, напр., говорятъ по-литовски и по-польски; школъ съ литовскимъ образованіемъ не было (только лат., нѣм., польск.): 1) Витольдъ хотѣлъ было поднять яз. литовскій, но крестоносцы воспротивились, 2) свидѣтели утверждаютъ, что въ литовскихъ проповѣдяхъ (въ Вильнѣ и др.) употреблялись слова польскія съ литовскими окончаніями, напр. — smūtnas — печальный; б) искреннихъ и усердныхъ пособниковъ-радѣтелей литовскій языкъ имѣлъ мало: первые труды Сирвида XVII и еп. Волончевскаго въ наше время не удержались изъ-за своей обособленности.

***) Ср. ограниченіе лишь т. указаніемъ, которому подвергся языкъ. При порабощеніи русскихъ племенъ литовскими — первыя были выше въ

Уже въ XVIII ст. считали общепризнаннымъ фактомъ, что литовскій и славянскій языки тѣсно весьма между собою связаны. Но тогда выходили, большею частью, изъ разсмотрѣнія структуры словъ обоихъ языковъ. Дѣйствительно, сходство между словами коренными литовскаго и славянскаго языковъ гораздо очевиднѣе, нежели между ихъ грамматиками. Однако, если присмотрѣться внимательнѣе, нельзя не замѣтить, что это сходство отчасти только кажущееся — гласный законъ обращается въ мнимую величину; не трудно убѣдиться даже, что между литовскими и славянскими словами, схожими по звуку между собою и значенію, только извѣстная часть указываетъ на сродство вокализаціи, между тѣмъ какъ другія къ такому заключенію не приводятъ: они заимствованы литовскимъ языкомъ у славянскаго. Какъ и когда произошло это заимствованіе — изъ какихъ славянскихъ нарѣчій, указать на это составляетъ задачу слѣдующихъ строкъ.

Всюду, гдѣ прекращается морское побережье, литовскій народъ примыкаетъ къ славянамъ, а именно — къ западнымъ славянамъ и къ русскимъ. Въ продолженіе цѣлаго ряда вѣковъ литовцы находились съ этими славянскими народами въ самомъ тѣсномъ соприкосновеніи. Сожительство порождало взаимныя нападенія и завоеванія, послужило кольцомъ

культурномъ отношеніи: потому, воздѣйствіе, естественно, оказывали „подневольные“ на покорителей. Сл. также примѣч. о разсмотрѣніи краткомъ, для разительнѣйшей наглядности, вліянія языка нѣмецкаго на литовскій, которое усматривается лишь съ 1500 г. — по исчезновеніи прусскаго элемента: сильная разнообразность въ заимствованія литовцами у нѣмцевъ; такъ, blótas — облатка и мн. др., о чемъ см. у Александра Брикнера, въ его „Litu-Slavische Studien“, въ предварительн. ст. и далѣе, равно и въ приведеніи примѣровъ въ этой книжкѣ.

торговыхъ сношеній, обмѣна; сосѣдству же обязана Литовская страна и обращеніемъ въ христіанскую вѣру.

Въ первомъ нападеніи, о которомъ упоминаетъ и лѣт. Несторъ, почин принадлежитъ русскимъ: въ 1040 г. и 1044 выходилъ великій князь кіевскій, Ярославъ, противъ литовцевъ и принудилъ ихъ къ ежегодной дани. Съ этого времени и литовцы начали совершать свои набѣги, напавъ, прежде всего на непосредственныхъ сосѣдей, кривичей — бѣлоруссовъ, бурно грабя ихъ имущество. Набѣги эти начались въ 1048 г. и повторялись въ 1063, 1070 и 1103. Въ 1131 г. кн. Мстиславъ ворвался въ глубину Литвы; но этотъ опустошительный набѣгъ не остановилъ литовцевъ отъ новыхъ нападеній на Россію. Разъ возбужденная жажда къ наживѣ могла находить удовлетвореніе только въ безпрестанныхъ хищническихъ набѣгахъ. И дѣйствительно мы находимъ литовцевъ въ 1140, 1163 и 1183, далѣе въ 1185 гг. снова въ Русской землѣ, именно—подъ стѣнами Великаго-Новгорода.

Всѣ эти вторженія были кратковременны: продолжались нѣсколько недѣль. Но, не взирая на видимую краткосрочность, „варварскія знакомства“ въ исторіи славяно-литовской цивилизаціи пріобрѣли гражданственную роль, съ одной стороны—подготовляя плодотворную почву для будущаго литовскаго государства, съ другой — все болѣе и болѣе заставляя литовцевъ знакомиться съ языкомъ славянскимъ и обычаями.

Въ правленіе князя Рингольда, по другимъ—Герngольда, литовцы сильно укрѣпились въ Россіи.

Послѣ многихъ непродолжительныхъ опустошеній, имѣвшихъ мѣсто, по указаніямъ русскихъ лѣтописцевъ, въ 1204, 1205... годахъ, Рингольдъ вторгся въ 1230 *) г. въ сѣверную

*) Это вторженіе было повторено и въ 1234 г.

часть Россіи, въ землю кривичей, побилъ въ 1235 г., у Могильны (Mogilna), союзныхъ русскихъ князей и къ концу своей жизни *) расширилъ литовское владычество до городовъ Полоцка, Витебска, Орсы и Смоленска.

Эти-то завоеванныя владѣнія и послужили, такимъ образомъ, основаніемъ образовавшейся впослѣдствіи, такъ называемой, литовской Руси.

Ринтольдовъ сынъ, — Миндовгъ, предпринимая набѣги на русскія области, распространилъ свои владѣнія далеко за Гродно-Бржескъ (Grodno-Brześć) **) и утвердилъ въ этихъ мѣстностяхъ превосходство литовцевъ, задержавши и покоривши орды монголовъ (1242), которымъ, относительно, обязана своимъ паденіемъ русская княжеская власть.

Въ 1246, 1247, 1248, 1256 и 1257 годахъ доблестный витязь-князь предпринималъ набѣги, повторялъ хищническія вторженія на Русскую землю.

Послѣ его насильственной смерти (1263), у литовцевъ наступили большія смуты; однако разъ завоеванная часть Россіи нисколько не была уменьшена, напротивъ — она даже способствовала нѣкоторому „округленію“ литовской территоріи за свой счетъ.

Лутаворъ и сынъ его Витенесъ оставили, наконецъ, въ Литвѣ новую династію, и Витенесъ владѣлъ, незадолго передъ своею смертью (1315), почти всею землею кривичей съ городами: Туровъ, Пинскъ, Брестъ, Слонимъ, Волковискъ, Гродно.

*) Смерть Ринтольда относится къ 1239 г.

**) Въ виду крайней смѣшанности, въ текстѣ и словарѣ, нѣсколькихъ нарѣчій семьи славянской и др. діалектовъ съ языкомъ литовскимъ предпочтительнымъ, кажется, для простоты дѣла, является подведеніе подъ единообразный способъ передачи на письмѣ общихъ различнымъ словарямъ двузвучныхъ консонантовъ. Такъ, наше *ж*, пл. *rz* (ž), напр., чешск. ž, =ž; наше *ч*, пл. *cz* и пр.=č; наше *ш*, пл. *sz*=š (какъ то и по-литовски). Значитъ, Brześć=Bžešć и пр. т. п. То же и съ др. зв.: пл. w=v и т. п.

При его сынѣ-наслѣдникѣ, Гедиминѣ, владычество литовцевъ на славянской землѣ увеличилось значительно, именно — въ 1320 г. Гедиминъ покорилъ Кіевское княжество и часть Сѣверскаго; мирнымъ путемъ перешла къ нему Волынь *); ему же присягнули въ вѣрности Псковское и Новгородское вѣча (республики?).

Наиболѣе расширилась литовская Русь при сынѣ и наслѣдникѣ Гедиминовомъ — Ольгердѣ. Къ концу его славнаго тридцати-двухъ лѣтняго княженія **) Литвѣ принадлежали Волынь, Украина, Брянское княжество, вся Сѣверская область, часть Подольской и Смоленской земли. Ольгердъ самолично назначалъ князей въ Ржевѣ и Можайскѣ; Тверь была въ его зависимости; три раза ***) подходилъ онъ съ разбойничьими ордами своими къ стѣнамъ Москвы.

Его племянникъ и наслѣдникъ, Витольдъ, не только утвердилъ свою власть въ завоеванныхъ земляхъ, но и увеличилъ еще свое вліяніе походами на Москву, Великій Новгородъ и противъ татаръ ****).

Годъ 1430 можетъ считаться историческимъ закатомъ величества Литовскаго. Послѣ смерти Витольдовой (1430) литовцы не предпринимали болѣе завоевательныхъ походовъ на Русь; напротивъ, смежныя земли, пограничные пункты этой области, которая растянулась отъ Балтійскаго моря до Чернаго, отходили подъ все болѣе и болѣе усиливавшуюся власть Русскаго государства; такъ, потеряли литовцы Ржевъ и Великіе-Луки въ 1479, Сѣверскъ — въ 1490 г. и т. д.

*) Собственно — къ сыну его, Любарту.

**) Кн. 1345 — 1377.

***) Въ 1365 г., 1370 и 73.

****) Онъ перешелъ черезъ Донъ въ 1395 г.; въ 1396 г. подступалъ къ Азову, въ 1397 г. ходилъ близъ самой Волги.

Порабощенныя литовцами русскія племена стояли, при своемъ покореніи, на гораздо высшей ступени культуры, нежели ихъ завоеватели. Послѣдовавшее за 400 лѣтъ обращеніе въ христіанство и тѣсное общеніе съ византійской культурой ссудили русскимъ превосходство надъ литовцами. Но, какъ случается часто, произошло здѣсь слѣдующее: побѣжденный сообщилъ покорившему свое умственное образованіе, потерялъ самостоятельность и сдѣлался въ культурномъ отношеніи рабомъ поработившаго его народа.

Обмѣнъ и торговля происходили въ теченіе столѣтій мирнымъ путемъ между литовцами и русскимъ народомъ. Русская торговля, одна изъ самыхъ цвѣтущихъ въ средніе вѣка, распространилась и между литовцами, вытѣснивъ даже Ганзейскую. Такъ, мы знаемъ въ частности, что новгородскіе торговцы уже въ древнѣйшія времена содержали торговые дома въ литовскихъ городахъ — въ Вильнѣ, Ковнѣ, Вилькомирѣ; въ самой Вильнѣ былъ еще второй торговый домъ, сгорѣвшій въ 1366 и вновь выстроенный въ 1375 году.

Русскіе торговые караваны ежегодно проѣзжали черезъ Литву, и здѣсь происходилъ обмѣнъ сырыхъ произведеній; такъ, цѣнные мѣха, янтарь и медъ, воскъ и хлѣбъ и т. п. мѣнялись на металлическіе товары, соль и разнаго рода предметы роскоши...

Вслѣдствіе установившагося обмѣна въ непосредственныхъ торговыхъ сношеніяхъ, знакомство съ русскимъ языкомъ и обычаями должно было, естественно, все болѣе и болѣе распространяться между литовцами.

Такое вліяніе Русской земли укрѣпилось вскорѣ еще сильнѣе и потому, что русская церковь рано завоевала значительное положеніе въ Литвѣ. Большинство литовскихъ князей женились на русскихъ княжнахъ и иногда даже сами

крестились. Такъ поступили, напримѣръ, два сына Миндовга: Арвидъ *) и Тавцивилъ, одинъ изъ внуковъ котораго былъ игуменомъ монастыря св. Иліи въ Новгородѣ. Три сына князя Тройда **) крестились по русскому обряду; тѣмъ же извѣстенъ и Война ***), братъ Гедимина, полоцкій князь, сынъ Миндовга, Василько ****), сперва монахъ, затѣмъ вступившій на престолъ, успѣшно подвизался въ дѣлѣ распространенія христіанства въ Литвѣ. Успѣшному развитію Христова ученія не мало способствовали литовскія семейства, переселявшіяся въ Россію вслѣдствіе политическихъ смутъ; въ 1265 г. эмигрировали изъ Литвы и крестились въ Псковѣ 300 литовскихъ семействъ, въ 1266 г. Довмутъ — со всѣмъ домомъ своимъ, въ 1346 — Явнутъ и мн. др.

Вторая и третья жены Гедимина, Ольга и Ева, были русскія; Марія Витебская и Юліана (Юлія) Тверская, вторая и третья жены сына его Ольгерда, были также русскія.

Эти княжны и многія другія приводили съ собой въ Литву весь свой дворъ, имѣли свои дворцовыя капеллы и т. д. При полнѣйшей вѣротерпимости литовцевъ, христіанство, по необходимости, имѣло многихъ послѣдователей, такъ что уже въ 1347 году воздвигается въ Вильнѣ церковь св. Николая. Великій князь Ольгердъ самъ основалъ нѣсколько церквей: до 1387 года, когда литовцы обратились въ католичество, уже половина жителей Вильны принадлежала Византійской церкви. Благодаря вѣроисповѣданію, русскій языкъ еще легче проникалъ въ Литву.

---

*) Называемый также Думунтомъ.

**) Умеръ 1283 г.

***) Извѣстный позднѣе подъ именемъ Василія.

****) Vojsiek, или Volseynik.

Чужой языкъ учился сперва лишь при дворахъ князей: оттуда проникалъ онъ въ первыя семьи страны, а потомъ сталъ вводиться и въ низшихъ классахъ народа.

Съ тѣхъ поръ, какъ русскій языкъ сдѣлался придворнымъ и оффиціальнымъ, перевѣсъ его надъ литовскою рѣчью былъ, такъ сказать, утвержденъ.

Однако славяне и литовцы сходились не только на русской почвѣ. Подобныя соприкосновенія имѣли также мѣсто въ Мацовіи, Куявіи, Добрынѣ и во многихъ другихъ польскихъ центрахъ. И земли эти грабили литовцы, какъ свидѣтельствуютъ лѣтописцы, въ 1229, 1246, 1264 и др. гг. Такъ, одинъ Миндовгъ предпринималъ девять походовъ, послѣ каждаго изъ которыхъ уводилъ съ собою по нѣскольку тысячъ плѣнныхъ; число этихъ плѣнниковъ однажды *) простиралось до 20000.

Въ 1325 г., при бракосочетаніи литовской принцессы Алдоны съ Казимиромъ польскимъ, 24000 рабовъ были отпущены изъ Польши въ свое отечество. Такіе военноплѣнные, въ большинствѣ, водворялись въ самой серединѣ Литвы, и ежедневное общеніе этихъ чужеземцевъ съ туземцами приводило къ извѣстному уравненію, вслѣдствіе котораго коренное населеніе заимствовало языкъ и обычаи у „посѣдковъ".

Превосходство русскихъ въ Литвѣ продолжалось до 1569 года. Съ этого времени, т. е. со времени окончательнаго соединенія Литвы и Польши, польское вліяніе возъимѣло перевѣсъ надъ русскимъ.

До этого времени (до 1569 г.) преимуществовалъ русскій языкъ: въ 1525 г. возникла въ Вильнѣ первая книгопечатня, въ которой печатались лишь русскія книги или церковно-

*) Въ 1323 г.

славянскія. Съ 1569 г. польскій языкъ сдѣлался языкомъ, общественнымъ,—туземной рѣчію.

Такъ работали безпрерывно два славянскіе языка— русскій и польскій—къ уничтоженію языка литовскаго. И этимъ не не удалось.

Ежели принять въ соображеніе то обстоятельство, что, по старымъ картамъ, границы литовскихъ владѣній широко простираются еще дальше, чѣмъ нынче,—что литовскій языкъ распространенъ исключительно въ низшихъ слояхъ и совершенно, можно сказать, исчезъ изъ городовъ, да прибавить еще къ тому фактъ замѣчаемаго систематическаго вымиранія его: нельзя не согласиться, что не далеко то время, когда оставшіеся полтора милліона сильныхъ нѣкогда литовцевъ скажутъ о себѣ то самое, что I. Parum Schultze и Henning возвѣстили въ свое время, о полабахъ. Къ тому же, не лишне обратить вниманіе и на то явленіе, что въ мѣстахъ, гдѣ нынче еще говорятъ по-литовски, относительно, много есть такихъ деревень, въ которыхъ крестьяне понимаютъ польскую рѣчь и литовскую и говорятъ на этихъ двухъ языкахъ.

Понятно, какъ вредитъ такое смѣшеніе сохраненію въ чистотѣ „оставшихся остатковъ" языка.

Впрочемъ, что могло помѣшать такому постепенному вымиранію (уничтоженію?) языка?

Школъ, гдѣ бы учили литовскому языку, не было; въ нихъ учили только польскому да латинскому, иногда— нѣмецкому. Никто не предоставлялъ литовцамъ заботы о сохраненіи своего языка, какъ это было у латышей, *) у которыхъ Рижскій епископъ Hennig von Scharfenberg съ 1424 г. ревностно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы поставляемые священники владѣли латышскимъ языкомъ. Уже съ 1631 г.

*) О соотношеніи яз. собственно-литовск. къ латышск. см. т. Пр.

въ основанной Густавомъ Адольфомъ Рижской гимназіи преподавался латышскій языкъ. Тѣ не многіе священники, которые говорили по-литовски, считали этотъ языкъ злокозненнымъ измышленіемъ, лукавой выдумкой діавола, въ особенности — въ болѣе раннія времена. И, когда герцогъ Витольдъ пожелалъ поднять литовскій языкъ, крестоносцы, которымъ онъ, къ несчастью, сообщилъ свое намѣреніе, нагло отсовѣтовали, увѣряя его, что это послужитъ возвращенію къ язычеству. Ужаснувшійся Витольдъ отказался отъ своего намѣренія и забросилъ славный планъ. Такимъ образомъ, пала послѣдняя подпора, способная охранять историческія судьбы литовскаго языка, или народа.

Свидѣтели утверждаютъ, что литовскія проповѣди, произносившіяся польскими священниками въ Вильнѣ и въ другихъ мѣстахъ, состояли, въ большинствѣ случаевъ, изъ польскихъ словъ съ литовскими окончаніями. И отъ этихъ-то проповѣдей произошли безчисленныя литовскія слова, означающія отвлеченныя понятія. Такъ, напр., smûtnas—печальный, spakailivus — спокойный, 'cnatlivus—добродѣтельный, pakarnus — смиренный, pišnus — гордый, paslušnus — усердный, svagus — грозный и т. п.

Искреннихъ и усердныхъ пособниковъ-поборниковъ литовскій языкъ имѣлъ мало.

Первые труды какого-то Сирвида, въ началѣ XVII ст., и епископа Volončevsk'аго до нашего времени не удержались, именно — вслѣдствіе своей обособленности.

Столькими-то способами вторгались славянскіе элементы въ литовскій языкъ.

Дворъ, школа, торговля все глубже способствовали ломкѣ, ослабленію литовскаго языка, о сохраненіи котораго, какъ видно, мало кто и заботился.

Примѣры, подтверждающіе истинность выводимаго положенія, свидѣтельствуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и очевидное значеніе вліянія славянскаго. Это вліяніе мы можемъ усмотрѣть всюду: оно проникаетъ не только въ языкъ; его мы находимъ, и не въ малой мѣрѣ, въ вѣрованіяхъ и суевѣріяхъ въ обычаяхъ и нравахъ; оно глубоко коснулось одежды и способовъ питанія. Однако всего этого мы не намѣрены касаться. Наша задача ограничивается указаніемъ на то лишь вліяніе, которому подвергся языкъ.

При этомъ, чтобы не допустить никакого сомнѣнія относительно того, какъ проникъ славянскій элементъ въ литовскую рѣчь, разсмотримъ вкратцѣ, какое оказалъ вліяніе на литовскій словарь языкъ нѣмецкій.

Нѣмецкій элементъ оказываетъ вліяніе на Литву только съ 1500 г., когда исчезла прусская стихія, служившая какъ бы бастіономъ. И, тѣмъ не менѣе, какъ заимствованія литовскаго изъ нѣмецкаго уже разнообразны, достаточно разсмотрѣть слѣдующую группочку словъ: ablótas (также ollótas)—облатка, ākas—кирка, akrūtas — рекрутъ, akselis—соломорѣзка, almonas (hofman)—придворный, almusas и alamusyna (almosin)—милостыня, anusas (hans) — безпечный человѣкъ, aorna (ahorn) — кленъ и пр.

Если, такимъ образомъ, нѣмецкій языкъ, въ продолженіе трехъ лишь столѣтій столь глубоко успѣлъ проникнуть въ литовскую туземную рѣчь, наводнить ея лексиконъ иноземными реченіями, то какъ сильно, слѣдовательно, должно было быть дѣйствіе славянской силы, вліяніе которой началось четырьмя столѣтіями раньше!*)

---

*) Ходъ славянской колонизаціи литовскихъ областей древнѣйшей поры, вѣроятно, состоялъ въ тѣсной зависимости относительно религіозныхъ движеній, по необходимости племенной, воспринимая хотя бы отголоски,

Переходя къ указательной части изложенія, необходимо, кажется, начертать и ходъ развитія сужденій.

Изобиліе славянизмовъ въ žemaitisch'ѣ и въ древнѣйшемъ письменномъ языкѣ.

Славянизмъ въ памятникахъ, діалектахъ.

Явленіе славянизма въ прусско-литовскомъ яз. и въ прусскомъ: необходимость имѣнія изложенія лексическихъ различій отдѣльныхъ нарѣчій — доводы Нессельмана (несовъ).

Ограниченіе вліянія славянскаго на литовскій народъ вопросомъ: „какія нарѣчія *попреимуществу* повліяли на литовскій языкъ, и въ какой степени каждый изъ воздѣйствовавшихъ элементовъ принималъ въ этомъ участіе?"

Относительная сила вліянія славянскаго элемента на литовскій—а) со стороны бѣлоруссовъ, б) малоруссовъ и в) поляковъ.

Разборъ заимствованныхъ литовцами словъ — iškala, iškada...

преобразовательныхъ идей западныхъ, если не неестественнымъ почитается фактъ, свидѣтельствующій, что, пока дезидераты сужденія реформаторовъ въ просвѣщенной части Европы продолжали считаться неприложимою мечтою, въ Чехіи слова англичанина Виклефа, отвергавшаго авторитетъ папы, требовавшаго согласованія существующей церкви съ коренными началами христіанства, сдѣлались голосомъ народнымъ; ибо здѣсь, въ Чехіи, гдѣ почва была готова, живое преданіе хранило образъ искомой церкви и ожидало сознательнаго выраженія, уже до появленія сочиненій англійскаго ученаго, проповѣдники чешскіе, увлекавшіе за собою народъ цѣлыми толпами, высказывали мысли, отрицавшія самыя начала католицизма; такъ, задолго до появленія Гуса, род. 1369, извѣстны подготовительными ученіями въ данномъ смыслѣ Миличъ—изъ Кромѣржижа, ум. 1374 г., и ученикъ его Матвѣй—изъ Янова. Миличъ Кромѣржижскій замѣчателенъ еще, между прочимъ, и тѣмъ, что онъ сталъ проповѣдывать по-чешски, тогда какъ до него проповѣдники, разсчитывавшіе на успѣхъ въ Чехіи, говорили, обыкновенно, свои слова по-нѣмецки.

Ср. роль завоевательныхъ стремленій Австріи — носительницы нѣмецкой образованности, или т. н. „deutsche Culturträgerin" на Востокѣ: А. Гильфердингъ, II, 258 и далѣе; см. тамъ же IV, 247—461.

Пробный камень рѣшенія происхожденія извѣстнаго слова въ литовскомъ языкѣ (есть ли данное слово славяно-литовскаго происхожденія или оно заимствовано) — приложимость или несоотвѣтствіе языку литовскому звуковъ: „c", „ch", „f", „z".

Общепризнаніе въ послѣднемъ „ch" и „f" и ограниченіе относительно „c" и „z".

Подведеніе извѣстныхъ (возможныхъ) рубрикъ въ дѣлѣ опредѣленія признаковъ, оттѣняющихъ коренное, самостоятельное значеніе слова или его заимствованія.

Обзоръ въ области фонологіи: *san* („są", „su", „s"); y („i"); „l" — мягкое; сл. „ā" (=„ē") — въ лит. „ā" (=„o"); явленіе „u" или „ė", „ė", „jė" — вм. гласн. + носовой.

Недостаточность основанія Бродовскаго: „ž" вм. „g" въ словахъ, подобныхъ — bažnyčė.

Гипотеза вѣрнаго расчлененія, при пользованіи удареніемъ, литовскихъ словъ — своихъ и заимствованныхъ.

Служебная роль суффиксовъ въ дѣлѣ опредѣленія заимствованія.

Сигнификація или значеніе предлоговъ — въ сложныхъ словахъ и пр.

Обращеніе литовскаго языка съ несвойственными ему звуками: 1) „c", 2) „f", 3) „h", 4) „ch", 5) „z".

Звукъ „o" бѣлоруссовъ, малоруссовъ, поляковъ и „a" литовцевъ (мнѣніе Шмидта): его діалектическія колебанія — ů, u.

Славянское „y" и литовское „ui".

Трудность обслѣдованія звука „e"; причины:

1) сбивчивость передачи и

2) безразличіе „ie" и „e".

Характеръ измѣненія — „a" и „e".

Носовые звуки.

Полногласіе.

Вставочные звуки — „e" и „o".

Приставка и вставка гласныхъ.

Количество (долгота и краткость) гласныхъ.

Разсмотрѣніе согласныхъ —

а) гортанныхъ: переходъ звуковъ „g" и „j" (gabartai и javartai),

2) замѣна „č" на „k" (противъ обыкновеннаго перехода „č" въ „tj";

б) губныхъ „b" и „v": законная — въ силу родственности — замѣна одного другимъ (balbe и balvius),

2) выпаденіе „v" (lekarsta и lekarstva),

в) рѣдко встрѣчающееся явленіе — замѣна „m“ чрезъ „b“ grabnicė, вмѣсто польск. — gromnica):

α) замѣстительство „m“ черезъ „v“ (širmas и širvas),

β) болѣе частая замѣна „m“ и „n“ (gramdau и grandau);

в) плавныхъ — „r“ и „l“: простая замѣна (grumtas и рядомъ — glumtas);

г) шипящихъ: различныя измѣненія — „s“ и „š“, „š“ и „z“; „s“, „z“ и „ž“; силлабическое „š“ и аффрикатное „č“; „s“ и „c“.

Переходъ согласныхъ: замѣна tenuis и media.

Переходъ и перестановка.

Приставка и вставка согласныхъ.

Мѣсто для „j“: въ производныхъ нѣмецкихъ словахъ и чаще послѣ „r“ и „l“ — передъ гласными.

Отпаденіе и выпаденіе отдѣльныхъ буквъ и слоговъ: объясненіе Витнея.

Метатезисъ, или перестановка.

Удареніе.

Родъ и число заимствуемыхъ словъ.

Предлогъ.

Заключеніе.

Отдѣльные памятники и діалекты довольно расходятся касательно содержанія въ нихъ славянской стихіи; žemaitische, напротивъ, равно и древнѣйшій письменный языкъ, въ противоположность прусско-литовскому и также новѣйшему письменному языку, въ особенности изобилуютъ славянизмами; прусско-литовскій, равно и производный отъ него новѣйшій письменный языкъ ограждены отъ вліянія славянскаго элемента žemaitisch'а, отъ котораго произошла древняя письменность; зато въ žemaitisch'ѣ мы находимъ много славянизмовъ, прусско-литовскій же содержитъ либо чисто литовскія слова, либо отдаетъ германизмомъ.

Относительно письменныхъ памятниковъ XVI и XVII ст. должно замѣтить, что здѣсь приходится имѣть дѣло съ христіанствомъ, или, точнѣе — съ началомъ христіанства, и что, потому, тѣ, которые писали тогда по-литовски, вводили,

незамѣтнымъ образомъ, и славянизмы, не будучи въ состояніи окинуть взоромъ всѣ богатства того языка, который, преимущественно, не былъ ихъ родною рѣчью. Это замѣчается, въ особенности, относительно двухъ самыхъ древнихъ памятниковъ — катехизиса 1547 и Forma Chrikstima 1559 г.

И издатель ихъ, Mažvydas (Mosvidus), употребляютъ много славянизмовъ, не извѣстныхъ въ нынѣшнемъ письменномъ языкѣ, какъ, напримѣръ: apavena, apsvieziti, dachadas и т. п. Гораздо большее количество славянизмовъ обезображиваютъ новѣйшую žemaitich'ную письменность, преимущественно — религіознаго содержанія; уже одни заглавія переполнены ими; например: broma atverta ing viečnasti и пр.

Но не только въ обоихъ коренныхъ діалектахъ, или нарѣчіяхъ видимъ мы славянизмы: они встрѣчаются, кромѣ явленія нерѣдкаго въ прусско-литовскомъ и въ прусскомъ, также и въ другихъ мѣстныхъ говорахъ. Однако, чтобы вполнѣ уяснить себѣ этотъ вопросъ, нужно необходимо имѣть изложеніе лексическихъ различій отдѣльныхъ нарѣчій. Теперь позволительно удовольствоваться нѣкоторыми доводами Нессельмана: изъ его объясненій вытекаетъ, что заимствованное, напримѣръ, изъ славянскаго слово — „pieskos" — „песокъ" и литовское — „smiltis" — „песокъ", каковое слово раньше было въ общемъ употребленіи, теперь встрѣчается лишь къ сѣверу отъ Мемельштрома и т. п.

Многое можно сказать касательно вліянія славянскаго на литовскій языкъ. Намъ же надлежитъ нынче первѣе всего рѣшить вопросъ: какія именно нарѣчія, попреимуществу, повліяли на литовскій складъ слововыраженія, и въ какой степени каждое изъ этихъ нарѣчій принимало въ лексической ломкѣ участіе? Очевидно, что литовцы наиболѣе позаимствовались у славянъ, съ которыми приходилось имъ жить въ самомъ

тѣсномъ и продолжительномъ союзѣ, именно — у бѣлоруссовъ, которыхъ и должно, значитъ, поставить на первомъ мѣстѣ относительно заимствованій, — на второмъ планѣ стоятъ малоруссы, а затѣмъ, на третьемъ — поляки. Съ малоруссами неоднократно соприкасались литовцы, сперва — вслѣдствіе завоеваній въ Малороссіи, именно — въ Волыни, въ Подоліи и т. д., затѣмъ — въ силу продолжительныхъ сношеній ихъ съ Кіевомъ, такъ какъ училища этого города еще до XVII или XVIII ст. охотно посѣщались литовцами.

Вліяніе Польши, въ извѣстномъ смыслѣ, имѣетъ большее значеніе: сначала ополячилось высшее литовское сословіе, а затѣмъ — и города.

Великорусскій элементъ до послѣдней поры не имѣлъ никакого вліянія на литовскій языкъ; лишь теперь, къ патріотической гордости нашей, въ силу доброславнаго измѣненія политическихъ условій, проникаютъ нѣкоторыя великорусскія слова въ литовскій языкъ: нѣкоторыя изъ нихъ въ настоящее время уже пронесены стараніями Сирвида въ литовскіе словари.

Можно привести здѣсь небольшой разборъ, по которому, относительно, легко рѣшить, заимствовано ли то или иное литовское слово изъ мало- или бѣлорусскаго словаря.

Литовское слово — iškalà (школа, училище), izbõnas (кружка), iškada (вредъ), išdvoditi (измѣнять) и др., соотвѣтствующія польскимъ словамъ: škoła *), dzban, škoda, zdradzić, свидѣтельствуютъ о своемъ заимствованіи лишь изъ малорусскаго или изъ бѣлорусскаго, на что указываетъ чуждое языку польскому „i“.

Точно также соотвѣтствуетъ звукъ— „e“ въ литовскихъ словахъ: čiesãs (время), čeroĭ (чары), černas (черный) и т. п.

---

*) Пл. ф. szkoła. См. примѣч. стр. 9.

сл. малороссійскимъ: ĉes, ĉernyj и т. д., а не польскому „a“ — въ словахъ: ĉas, ĉary, ĉarny, žart, и пр. т. п.

Иногда встрѣчаются два литовскія слова — одного значенія и нѣсколько различныя по формѣ: одно, изъ польскаго яз. заимствованное, другое — изъ бѣло- или малорусскаго. Такъ, напримѣръ, литовское — špodas (мечъ), очевидно, взято изъ польскаго — šрada; špogas же (также = мечъ) заимствовано изъ малорусскаго лексикона — šраha и т. п.

Представляется вопросъ: какъ можно вообще узнать, есть ли то или другое слово славяно-литовскаго происхожденія, или же оно заимствовано? Для этого можно лишь предложить слѣдующую руководящую нить: какъ только какое-нибудь литовское слово не соотвѣтствуетъ литовскимъ звукамъ — оно заимствовано.

Литовскому языку чужды звуки — „c“, „ch“, „f“, „z“: и, значитъ, если въ словѣ литовскомъ находится одинъ изъ этихъ звуковъ, это присутствіе доказываетъ, что слово, несомнѣнно, заимствовано.

Въ этомъ общемъ положеніи рѣчь идетъ лишь о звукахъ — собственно „ch“ и „f“; относительно же „c“ и „z“ нужно замѣтить слѣдующее: „c“ не совершенно не знакомо литовцамъ, — оно встрѣчается и въ onomatopoeen'ѣ: cipti, sucipti — пищать, cyrulŭs — жаворонокъ, kiuce — корзина и т. п. Относительно „z“ Шлейхеръ говоритъ: «„z“ — изъ „dz“ — звукъ, совершенно чуждый литовцамъ, встрѣчающійся лишь въ производныхъ словахъ». Нужно, однако, замѣтить, что есть многія литовскія слова съ звукомъ „z“, заимствованіе которыхъ не доказано; такъ: amazni — уколъ Bd., atrzaiza — flickivand Bd., biza — коса, izdas — сокровище, kozas — свадьба и др. Тамъ, гдѣ встрѣчается „z“, соотвѣтственное слово — либо латышское, или же существуетъ параллельно со словами

съ „c“, вмѣсто — „ž“: macŷmkas и mažŷmkas, равно и съ „s“—plursiti и plurziti, также—съ „š“ и съ „ž“. «Только въ словахъ, заимствованныхъ изъ языка славянскаго, литовское „k“ соотвѣтствуетъ славянской фонемѣ — „ch“, первоначально — „s“», не безосновательно замѣчаетъ Шлейхеръ. Литовцы замѣняютъ чуждый имъ славянскій звукъ „ch“ посредствомъ „k“; если же славянское „ch“ переходитъ въ древнее „s“ — это вѣрный знакъ заимствованія, ибо первоначальное „s“ пребываетъ неизмѣннымъ въ литовскомъ или переходитъ въ „š“; когда же славянское „ch“ непосредственно или черезъ средній звукъ — „s“ — переходитъ въ „k“, то вопросъ, въ такомъ случаѣ, бываетъ, обыкновенно, трудно рѣшить, ибо литовскій звукъ „k“ можетъ быть, и съ большимъ вѣроятіемъ, относимъ къ первоначальному „k“.

San встрѣчается у нынѣшнихъ славиновъ въ началѣ словъ—въ видѣ зв. „s“: если въ литовскомъ соотвѣтствуетъ такое же „s“, тогда это — явный признакъ заимствованія, такъ какъ въ чисто-литовскихъ словахъ остается звукъ „san“; напр., sankalai — перекладины, задвижки, также — „są“ или „su“, напр. sąsparà и susparà — уголъ. Поэтому, напримѣръ, smertis (смерть)—должно быть заимствовано изъ велико- или малорусскаго — smert'.

Литовское „y“ есть не что иное, какъ растяженіе зв. „i“; славянское „y“, близко подходящее по звуку къ разбираемому литовскому, никогда не замѣняетъ „i“. Поэтому, если въ одномъ и томъ же словѣ скрывается литовское и славянское „y“,—усматривается явный признакъ несомнѣннаго заимствованія.

Склонность древняя бѣлорусскаго и малорусскаго, равно и великорусскаго яз. вставлять, ради болѣе легкаго произношенія, мягкое „l“—между губнымъ звукомъ и мягкимъ

гласнымъ—совершенно чужда литовскому: и, поэтому, явленіе вставки „l“ epentheticum'a въ словахъ литовскаго языка—признакъ заимствованія; такъ, напримѣръ, литовское слово bliūdas есть заимствованное изъ русскаго — bljudo (блюдо).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ славянское „ě“ есть результатъ перехода изъ славянскаго же „ā“, или, иначе—славянское ā въ нѣкоторыхъ, и не рѣдкихъ, случаяхъ переходитъ въ „ě“; въ литовскомъ же яз. соотвѣтственныя слова, въ большинствѣ случаевъ, измѣняютъ это „ā“ въ „о“, что служитъ яснымъ доказательствомъ незаимствованія; напримѣръ, славянское rěpa (рѣпа) — литовское rópe (rapus? ῥαπύς), rãpa, ruoba'.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ литовскомъ языкѣ услѣдить можно бываетъ тотъ же переходъ; напримѣръ — viẽrà (вѣра), очевидно — изъ бѣлорусскаго: věra.

Въ большинствѣ случаевъ литовскимъ словамъ привычно содержать гласный звукъ съ носовымъ; поэтому, если, вмѣсто таковыхъ звуковъ, встрѣчаются гл.—„u“ или „è“, „ė“, „jè“, на подобное слово можно смотрѣть, какъ на незаимствованное изъ русскаго: ибо не подлежитъ сомнѣнію, что русскіе діалекты замѣняютъ древнее „ą“ чрезъ „u“, „e“ — чрезъ „ja“; такъ, напр., литовское — sũdas, соотвѣтствующее польскому — sąd, заимствовано изъ русскаго—sud (судъ). Однако, нужно замѣтить, это, къ сожалѣнію, не всегда служитъ вѣрнымъ признакомъ дѣйствительнаго заимствованія.

Слова bažnýčè — церковь, žyvatas — тѣло, žyvnastis — пища и др., по Бродовскому *) — заимствованныя, на что указываетъ ихъ „ž“. Дѣйствительно, если бъ они были чисто-литовскія слова, то писались бы чрезъ „g“. Но и это опять — не совсѣмъ надежный критерій.

---

*) Словарь.

Служитъ ли удареніе вѣрнымъ признакомъ заимствованія? И на это отвѣтить положительно нѣтъ возможности *). Вообще нужно согласиться, кажется, что удареніе производныхъ литовскихъ словъ вполнѣ соотвѣтствуетъ ударенію тѣхъ словъ, которыя стоятъ къ нимъ въ отношеніи коренномъ: это легко достигается — при подвижности литовскаго языка. Можно привести здѣсь нѣсколько примѣровъ этой подвижности. Въ то время какъ коренныя литовскія слова, какъ-то: klastórius — обманщикъ, sapnòrius — мечтатель и др. имѣютъ удареніе на суффиксѣ — „о“, производныя: šíporius — лодочникъ, šíncorius — хозяинъ и пр. имѣютъ удареніе на коренномъ слогѣ — соотвѣтственно съ тѣми словами, отъ которыхъ они произошли, — нѣм. Schiffer, польск. šynkař **) и т. п.

Суффиксы тоже лишь въ немногихъ случаяхъ служатъ безповоротнымъ рѣшеніемъ заимствованія. Такимъ образомъ, напримѣръ, слова: kvikšcionis, miešcionis заимствованы изъ польскихъ словъ — chřešcjan, miešcan, такъ какъ подобнаго суффикса въ литовскомъ языкѣ не существуетъ.

Яснымъ признакомъ заимствованія служитъ тотъ случай, когда литовское слово — сложное и заключаетъ не-литовскій предлогъ; такъ, напр., raspustas (гордость) слѣдуетъ считать заимствованнымъ изъ языка польскаго, ибо это слово состоитъ изъ не-литовскаго предлога „raz“ и $\sqrt{pus}$.

Какъ скоро какое-нибудь слово обще литовскому яз. и славянскому и въ то же время не встрѣчается въ латышскомъ, это — признакъ незаимствованія. То же нужно замѣтить и о случаѣ, когда какое-нибудь слово встрѣчается лишь въ яз. латышскомъ либо въ древне-прусскомъ, или въ славянскомъ.

---

*) Относительно этого вопроса источники пользованія оказываются недостаточными: Nesselmann, Geitber и žemaitische Schriften в. небрежно обозначаютъ удареніе.

**) Пл. ф. *szynkarz*. Ср. примѣч. стр. 21.

Другія же слова, хотя они одинаково встрѣчаются во всѣхъ трехъ нарѣчіяхъ балтійскихъ, могутъ быть разсматриваемы, какъ заимствованныя.

Въ случаѣ, когда, какъ это часто бываетъ, звуковые литовскіе законы ничего намъ не говорятъ, нужно обратиться къ исторіи культуры, которая не слабымъ иногда можетъ служить доказательствомъ въ дѣлѣ заимствованій.

Извѣстно, что, напримѣръ, слова: tyvun, krivulja, kupało суть славянскія, и что, напримѣръ, — hetman, łaunik и т. п. служатъ означеніемъ польскихъ должностей; отсюда ясно, что литовскія слова: tivunas, krivulė, etmonas — заимствованныя. То же относится и къ названію очень многихъ культурныхъ растеній, какъ, напримѣръ, литовск. сл.: grikai — гречиха, котораго происхожденіе очевидно изъ mazur' слова: gryka.

Нельзя не замѣтить, хотя бы и при бѣгломъ обзорѣ законовъ фонологическихъ, что литовскому языку почти совершенно чужды звуки — „c“, „f“, „h“, „ch“, „z“; если же въ заимствованномъ словѣ встрѣчается одинъ изъ этихъ звуковъ, литовецъ обращается съ нимъ не одинакимъ образомъ: либо „c“ сохраняется, какъ, напримѣръ, cecelė, cėsorius и т. д., либо „c“ измѣняется — а) въ „č“: čėlas, činė и пр., — б) въ „š“ švičiti, — в) въ „t“: tvičiti, — г) въ „s“: sviklas *).

Въ области гласныхъ звуковъ — усматривается замѣна „a“ звукомъ „o“. Является вопросъ: правдоподобно ли, чтобы литовскій языкъ, у котораго были въ распоряженіи „ă“ и „ā“ — для передачи славянскаго „a“, прибѣгалъ всегда къ длинному „o“? Приводить примѣры такой перемѣны звуковъ, вслѣдствіе ихъ многочисленности, было бы лишне.

---

*) Sb. „c“ встрѣчается вм. „č“, равно и „š“ — вм. „s“: šmocnas вм. smocnas и мн. др. т. п.

Конечно, нужно замѣтить, что существуютъ многія исключенія, которыя, впрочемъ, кажется, имѣютъ маловажное значеніе, такъ какъ, во-первыхъ, всегда должно имѣть въ виду вкрадывавшіяся ошибки, при чемъ; во-вторыхъ, почти всѣ наши лексикографы, какъ, напр., Сирвидъ, Бродовскій и др., владѣли вполнѣ польскимъ языкомъ письменнымъ и по его образцу, естественно, сознательно и безсознательно передѣлывали извѣстное литовское слово. При всемъ томъ, не слѣдуетъ забывать, что были и дѣйствительныя діалектическія, такъ называемыя, колебанія.

Въ заимствованныхъ словахъ „о" и „а" иногда измѣняются въ „ũ"; напримѣръ—padũnas, zadũkas и мн. др. Причина измѣненія весьма ясно сказывается; такъ, въ padũnas, напр., и zadũtkas слогъ — „dũ" — замѣняется литовскимъ √dâ, въ остальныхъ является, очевидно, приставка къ литовскому предлогу „pã".

Менѣе поддаются объясненію: ф. ф.—nũgas, nũglas, lũmas, lũba и мн. т. п.

Часто замѣчается замѣна славянскихъ „а" „о" посредствомъ звука—„u": buklögas, grumodas, kulcias, nebuvakas и др., большею частью — передъ плавными: „r" и „l".

Звукъ „ui" передаетъ славянское „у": builas, напр., buitis, pribuitis и др. *)

Разслѣдованіе относительно звука—„е"—неизмѣримо труднѣе, во-первыхъ, вслѣдствіе сбивчивости передачи, во-вторыхъ, еще и потому, что нѣтъ, даже у Нессельмана, никакого различія между звуками—„ie" и „e".

*) Если покажется, можетъ быть, страннымъ, почему литовецъ не замѣняетъ славянскаго „у", то нужно вспомнить, что славянское и литовское „у" одинаковы не по произношенію, а исключительно по изображенію.

Славянскіе зв.—„ja“, „je“—соотвѣтствуютъ то литовскимъ „ja“, „je“, то—„ė“; напр.—apėka, biedà, kalėdo, vėža и пр.,

Особеннаго вниманія заслуживаютъ измѣненія звуковъ „à“ и „e“. Такъ, „à“ замѣняетъ славянское „е“; напримѣръ—bartšus, čerasłas, grakas, tašlas, žardas, и т. д.; „е“—вмѣсто славянскаго „а“: bulverkas, emalkas, katenka, kerbas, kertokas, norеckas и мн. др. Звукъ „е“ замѣняетъ „i“, можетъ быть, только въ словѣ—peranka: литовское „i“, вмѣсто славянскаго „е“, встрѣчается чаще—ãsiłas, bavilna, stipinas, šilkai и мн. др.

Носовые звуки, свойственные нынѣ польскому языку, въ литовскомъ удерживаются; такъ, напр.—gansorus, gaastus, mentaks. Иногда „ą“ (an) замѣняется посредствомъ „un“—подъ вліяніемъ носоваго звука: munka, vunditi.

И, такъ называемыя, полныя гласныя формы, составляющія особенность исконную языка русскаго, удерживаются въ литовскомъ; значитъ, бѣлорусское, малорусское и великорусское „оло“, „оро“, „еле“, „ере“ получаютъ видъ—„ala“, „ara“, „ele“, „ere“; такъ, напримѣръ—asaladitas, balanà, kaladà и др. Иногда эти слоги сокращаются въ „al“, „ar“, „el“, „er“: karvujus, čeřpė и т. п.

Вставочные звуки—„е“ и „о“—для легкости произношенія, общіе русскому и польскому, не достаютъ соотвѣтствующей литовской формѣ; напримѣръ—dastotkas, польск.—dostatek, род. п. ед. ч.—dostatku.

Приставка гласныхъ: atkoniča Syrv., iškalà и školà, izranda и zranda; apsálmas и „psàlmas литовцы не умѣютъ ясно произнести“; *) abrėdēlis и brėdēlis и пр.

Вставка гласныхъ (vokalenfaltung), или svarab-

*) Kuršat: gramm. § 121.

kakti: geminė (польск.—gmina), karčema и karčiama (т. сл. польск.—karčma) и др.

Что касается долготы и краткости гласныхъ, то нужно замѣтить, что, кромѣ зв.—„ė“, „ie“ *) „y“, „o“, „io“, „ū“, которые уже по самой природѣ своей долги,—длина и короткость „a“ и „e“ зависитъ отъ того, ударяемъ или не ударяемъ слогъ; „i“ и „u“ остаются, въ особенности въ германизмахъ, краткими.

Указавши на нѣсколько примѣровъ дифтонгировки простыхъ гласныхъ, какъ-то: сл. зв. „au“ вмѣсто „u“, напр.—laupiti, kauliti; „ei“,—вм. „e“: veiža; „ai“—„a“: dainyče,—„e“: maišas, что объясняется, вѣроятно, циркумфлекснымъ удареніемъ, позволено, кажется, будетъ перейти къ разсмотрѣнію и согласныхъ.

Въ сферѣ гортанныхъ слѣдуетъ упомянуть о переходѣ звуковъ: „g“ и „j“; напр.—gabartai и javartai (рѣшетка), gentaras и jentaras (янтарь) и пр.

Судя по такимъ примѣрамъ, какъ skydas, paskiepyto и др., можно съ вѣроятной достовѣрностью заключить, что „č“ переходитъ въ „k“ **)

Губной „b“ и звукъ „v“—родственны; поэтому, обоюдная замѣна ихъ не удивительна: balbė при—balvius, gnevoti и gneboti, senovė и senobė и пр.

Слова, подобныя lěkarsta и lėkarstva, свидѣтельствуютъ о выпаденіи звука „v“.

Иногда, или точнѣе—рѣдко весьма встрѣчается замѣна „m“ посредствомъ звука „b“, какъ, напримѣръ, grabnyčė—вмѣсто польскаго—gromnica; ***) равно и „m“—посредствомъ „v“: širmas и širvas—сѣрый; чаще бываетъ замѣна „m“ и „n“: grámdau и grandau и пр. т. п.

*) Ср. шлейхеровское „ě“.

**) Обыкновенно—литовское „č“ переходитъ въ „tj“.

***) Священная свѣча, отъ 2 февраля, какъ спасительное орудіе противъ разрушительнаго дѣйствія силы грома.

Замѣна „r“ и „l“: grumtas и glumtas, šurnas и šulnas (также — surnas и sulnas) и мн. др.

Различнымъ переходамъ подвержены шипящіе — sibilantes: вмѣсто „s“ и рядомъ съ нимъ, является — „š“; напримѣръ — apkštirai и apstirai (личинка майскаго жука), ăpsakas, или apšac (каблукъ, уступъ), kastuvas и kaštuvas (скребница), mastas и maštas (мачта), siksnà и šikšnà (кожа), šilkai и silkai — шелкъ, sopăgas и šopăgas — сапогъ и пр.

Беззвучный (tonlose) шипящій „s“, окруженный ударяемыми гласными, переходитъ въ шипящій „ž“ и наоборотъ: anušė и anužė — имя, gaižus и gaišus — испорченный *), služus и slušnus — послушный, žaras **) — рядъ, линія и т. п.

Stimmtonetzchung'омъ объясняется замѣна „s“, „z“, „ž“ и обратно: anyžas и anyzas — анисъ, arkušas или arkusas — листъ бумаги, zauniti и sauniti — болтать и пр.

Сибилическое „š“ и аффрикатное „č“ весьма уважаютъ обоюдную замѣну; такъ: šiekšlas и čiekšlas — колода, чурбанъ, šĕpronas и čĕpronas — шафранъ, šermukas и рядомъ čermukas — вепренокъ и др.

Измѣненіе sb. „š“ и „c“ — совершенно соотвѣтственно: gaspada (польск.—gospoda), loskà (польск.—łaska) и пр.

Знаменательно весьма, что сочетаніе — „šč“, остававшееся въ древней письменности неизмѣннымъ, нынѣшнимъ произношеніемъ упрощается: комбинированный звукъ — „šč“ — обращается въ единичный „š“; напр. — šur (изъ ščur) — крыса и т. д.

Въ области перехода согласныхъ особенно интересна замѣна tenuis и media: plăkas и blakas — олово, blizgė и plizgė — тряпка, kartúpelis и kardúpelis — картофель, kaukarà и kau-

*) Собственно, gaužus или gaižus значитъ — противный.

**) Ср. малорусск. šar.

guris — холмъ, возвышенность крутая*), klebavòti и glebavòti — льстить, kvailus и guailus — глупый, plẽka **) и plẽga — ударъ, также — стукъ (мгновенный) и т. д.

Переходъ и перестановка: sterbli и skerblė — выстрѣлъ, kruša и truša — груша, plėcius и klėcius — мѣсто, bũbnas и bũgnas — барабанъ и пр., рядомъ — sterbė и т. п.

Приставка согласныхъ: skuskà и kuskà — платокъ***), skiebliejas — проповѣдникъ и kalbėjimas — рѣчь, splẽčiu и plẽčiu — выпрямлять и др.

Вставка согласныхъ: zopostas (изъ польскаго — zapas), pečvẽtis (изъ малорусск. — pečat'), pyvničė (изъ польск. pijanica, нынѣшн. — pijak), vitravtis (изъ польск. — vitrich) и т. п.

Призвукъ — „j" — встрѣчается въ производныхъ отъ нѣмецкихъ словъ, въ особенности — послѣ „r" и „l" — передъ гласными типа „ü"; напримѣръ — briunas или braun — коричневый, liaupsẽ ****) — похвала, liogaris (lager) — лагерь, liampa (lampe) — лампа и пр.

Отпаденіе и выпаденіе отдѣльныхъ звуковъ и слоговъ: aglū, krotos, rapnikas, razmas, švẽga, tavorška, jómarkas, locnas... Для объясненія даннаго случая удобно воспользоваться словами Витнея: „причина всякаго измѣненія звуковаго заключается въ стараніи человѣка облегчить выговоръ (произношеніе), — сбросить, поэтому, весь лишній балластъ за бортъ. Это — результатъ врожденной лѣности".

Метатезы (Metathesen): alerka, čeverykas, murolius, pinavė, želkorus, torelus, keraišts и ragaišis, škrobiti и škorbiti, šlémas и šelmas (грязь) и др.

---

*) $\sqrt{kuk}$: k-au.

**) Jd. $\sqrt{plak}$.

***) Сл. малороссійск. — chustka.

****) $\sqrt{lob}$.

Удареніе, обыкновенно, остается то же.

Въ силу утраты литовскимъ языкомъ средняго рода — славянскій средній родъ именъ передается или а) мужескимъ: bognas, bliūdas, čudas и т. д., или б) женскимъ — džola, kovona, lakamstva, lěkarstva и пр.

Часто заимствованное слово мѣняетъ родъ: abydas, amalai, bromas, čeėpė, dunajė, gramodas и др. Въ этомъ отношеніи особенно интересны русско-польскія слова, имѣющія въ именительномъ падежѣ одинаковое окончаніе для мужескаго и женскаго рода: burlokas, kozuadėjàs, siratas и др.

Pluralia tantum также, при заимствованіи, мѣняютъ число: bar̃ščei, čekinei, čemeryčey, kucas и пр.

При заимствованіи, не рѣдко предлогъ не-литовскій замѣняется чисто-литовскимъ; такъ, славянск. „pod“—чрезъ „pa“; напримѣръ, pakamorė—изъ польск. podkomoř̃y и т. д.

Обозрѣвши всѣ эти второстепенныя звуковыя измѣненія, можно съ достовѣрностью сказать, что, въ періодъ проникновенія славянскихъ словъ въ литовскій языкъ, законы, которые отдѣляли его отъ ближайшихъ ему родственниковъ, *) пребывали уже въ бездѣйствіи. Такимъ образомъ, является слѣдствіе, противоположное общепризнанному принципу, по которому „ė“ въ словахъ—dėkà, rẽližis, pẽtnyče, čiẽdyti, rẽdas — произошло сперва на литовской почвѣ изъ „en“,—по допущеніи чего выходитъ, будто эти слова заимствованы еще съ носовымъ звукомъ, и сначала „en“ въ области литовской фонологіи перешло въ „e“ („ie“) **). Но для подобнаго превращенія всѣ эти слова слишкомъ молоды; поэтому, и не возможно, кажется, категоричное заключеніе.

*) Напр.—переходъ длиннаго „a“ въ „o“, отчасти — измѣненія нѣкоторыхъ „en“ въ гласный „e“ и др.

**) Ср. miesà, изъ—mensa (мясо) и пр.

Зданіе литовскаго языка было вполнѣ выстроено до того еще времени, когда въ него сталъ проникать свѣтъ иноземнаго свѣтила, — гораздо, видимо, раньше, чѣмъ литовскій лексиконъ стала тревожить чуждая стихія: вліяніе всѣхъ даже славянскихъ нарѣчій до сихъ поръ еще не было въ состояніи его пошатнуть.

Конечно, это не относится къ тѣмъ вѣтвямъ отдѣльнымъ литовскаго развѣсистаго древа, которыя примыкаютъ непосредственно къ границамъ малорусскимъ и бѣлорусскимъ. Здѣсь замѣчаются два факта: а) поляки, русскіе и, слѣдовательно, также литовцы въ Русской Литвѣ говорятъ, напр. — „nje“, вмѣсто „nė“: gridnjėti вмѣсто — gridnėti; б) на юго-востокѣ Литвы передъ мягкими гласными, какъ „ie“, „i“ и др., „d“ произносится, будтто „dz“, „ts“, зв. „č“ — какъ „c“: tatučis — tatućis, marčas — marćas и др.

Часто наблюдается, что при заимствованіи: измѣняется и коренное значеніе слова; напр., прусско-литовское dėti значитъ — положить, поставить, посадить; žemait'ное же означаетъ и понятіе — дѣлать. *)

---

*) Ср. польск. — dziać, напримѣръ, или малорусск. — dijaty.

Вообще необходимо принять въ руководство соображеніе, что для легчайшаго оріентированія, — удобнѣйшаго, или, точнѣе — вѣрнѣйшаго пониманія и, слѣдовательно, толкованія подобныхъ явленій звуковаго начала, нужно бываетъ, и весьма часто, сообразоваться съ польскимъ или нѣмецкимъ подлинниками.

См. о томъ же заключеніе Al. Brückner'a: Litu-Slaviche Studien.

Сл. мн. П. Н. Рыбникова, въ письмѣ его къ К. С. Аксакову о пріуроченіи именъ историческихъ Литвы къ стольному Кіеву (Былины: ч. 2, II) — въ связи съ характеристикой отношеній Русской земли къ древней Литвѣ (Ibid.: ч. 1, V). Чит. былины княжескія и безыменныя.

Не не любопытны въ этомъ отношеніи возможные итоги, подводимые воздѣйствіямъ на ядро литовской рѣчи со стороны состязавшихся въ равновѣсіи — быта, грамотности, просвѣщенія, какъ силы цивилизующей, каковая однимъ уже значеніемъ культуры не могла не притягивать къ себѣ, хотя бы на основѣ лишь идеальнаго обобщенія, разбросанныхъ подалекимъ разстояніямъ народностей великаго авангарда юнѣйшей въ Европѣ семьи.

Б. Вліяніе славянское на литовскій словарь.

А — устарѣлая ф. „о" N	и, по;*)
	блрск. млрск. польск. а.
Aba	или;
	блр., млр., пл. abo.
Abarà **)	дворъ;
	блр. и *пл.* obóra.
Abàras, aburas R.	спутанная пряжа;
	блр. и *млр.* obòra,
	пл. obařanek ***)
Abatas ****)	игуменъ;
	пл. opat.
Abavem—въ катехизисѣ 1547 г.	— тогда;
	пл. aboviem, alboviem.
Abazas	лаґерь;
	пл. oboz.
Abecẽla	азбука;
	пл. abecadło.
˜Abrozas	образъ;
	блр., млр., пл. óbraż.
Àbyda *****)	обида;
	блр. obída.
Abrusas	утиральникъ (платъ, убрусъ?);
	блр. сукно, полотно, холстъ.
Adamoška ******)	камка;
	блр. adamàška.

*) Ср. примѣч. стр. 9, 21, 25.

**) Не извѣстное въ прусско-литовскомъ. N.

***) Nos: тонкая веревка, употребл. при обертываніи ногъ онучами.

****) Не извѣстное въ протестантск. прусско-литовскомъ — по N.

*****) Слово не очень древне: въ прусско-лит. не употребляется.

******) Встрѣчается только въ žemaitisch'ѣ.

Adina, s. gadynė.

Adnùs, s. gadnus.

Agũrkas, agurkẽlis огурецъ;
пл. ogòrek.

Ajstas аистъ;
влр. аистъ Mik.

Akrũtas, также ẽkrũtas корабль;
пл. okręt.

Aktàva 8-й день послѣ праздника;
пл. octava,
блр. то же *).

Akvàta žem. бодрость, веселость, подвижность, живость;
блр., *пл.* ochota,
žem то же;
achatlivas бодрый, живой, веселый **), радостный ***);
блр. и *пл.* ochotlivyj.

ʼAlazas крикъ;
блр. hałas.

Albà ****) или;
блр., *млр.* *пл.*, albo.

Alė да — RM., тоже = но;
блр., *млр.* и *пл.* ale.

Aliẽjus масло;
блр. oléj,
пл. olej.

Alyvà оливка:
alyvú mẽdis оливковое дерево;
alyvas и alyvà въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ син. sirynga vulgarius. Linn.;
пл. oliva — оливковое дерево.

---

*) Вліяніе яз. латинскаго (?).

**) Ср. нѣм. munter.

***) Сл. нѣм. vergnügt.

****) Употр. въ катехизисѣ 1547, 9—10; обветш., старцн. К.

Altořius	алтарь;
	пл. ółtař.
Alunas	квасцы;
	пл. ałun.
Ałvas	олово Bd. Qu;
	пл. ołóv — свинецъ.
Ambiti	бранить, ругать, порицать;
	блр. háńbić,
	млр. hánbyty,
	пл. (заимствов.) hánbić.
Amerę̧s	воздатель Bd.;
	пл. odmieřać.
Andė, anė, annšė, ankė	женское имя;
	пл. andža,
	млр. hána, hanuša, hanuśa, hanka.
Aniolas	ангелъ;
	пл. anioł.
Añs, ana	онъ, она;
	блр., *млр.* и *пл.* on, ona.
Apẽkunas	опекунъ;
	пл. opiekun.
Apiera	жертва;
	пл. ofiara.
Arbatà	чай;
	пл. herbata.
Arẽlka	водка;
	блр. horěłka
	млр. horiłka.
Asaba	особа;
	блр. *пл.* и osoba.
Asilas *) и ašilas	оселъ;
	млр. oseł,
	пл. osioł.
Aučorius, также apčorius	пастухъ;
	блр. *пл.* ovčar,

*) Въ катехизисѣ 1547 г.

Až и aža	пока;
	пл. až, *млр.* (заимств.) až.
Bučkà	бочка;
	млр. bočka.
Bagótas	богатый;
bagotyrus	оч. богатый (ср.сл. —богатырь);
bagõčius	богачъ, —
bagotiti	обогащать:
nebãgas (чаще nabãgas	бѣдный, несчастный;
	блр. bohatyj, bohatỳr, bohaćić,
	млр. bahatyr,
	пл. bogač,
	ср. *пл.* сл. niebogа.
Balamũtas	обманщикъ;
balamũtyti	обманывать;
	блр. bałamút,
	пл. bałamucić.
Balbiẽrius *)	брадобрей;
	пл. balbieř.
Baltramẽjus—balsys—baltras	имя при крещеніи:
	пл. Bartlomiej błažej.
Baranka	шапка изъ смушекъ;
	блр. baranok — смушка.
Barsũkas **)	барсукъ;
Barsukas	вепрь;
	пл. borsuk — барсукъ.
Bartys	улей;
	млр. bort'.
Bartkus	портной;
	влр. portnoj.
Barvà ***)	краска;
	пл. bava.

---

*) Также —barbẽjus (лат.?).

**) Zemait.

***) Шлейхеръ.

Bátas	сапогъ;
	блр. bo't,
	млр. bot.
Bavilna	шерсть;
	пл. bavelna.
Bãžyti	клясться;
	млр. božytys'a,
	влр. božitĭsja,
	блр. božaćća.
Baika	сказка;
	блр. и *пл.* baika.
Biedà	нужда;
biẽdnas	жалкій, горемычный;
biedùtis	бѣдный человѣкъ (бѣднякъ);
	блр. bėda и bêdnijj,
	пл. bieda, biedak.
Bẽsas	бѣсъ, чортъ;
	пл. bies.
Bezdónis, bezdžiõne, beždžiankà	обезьяна;
	влр. obezůjana.
Biblija, bible *)	библія;
	пл. biblja.
Blynai	блинъ;
	млр. błyn.
Blõgas	слабый;
	млр. błahyj,
	пл. blahi.
Blúda	глупость;
bludas	глупецъ;
	млр. błud,
	пл. błąd — ошибка.
Blũdas	блюдо;
	млр. bljudo.
Bóba	старая женщина;
	блр., *млр.* и *пл.* baba, starucha;

*) Zemait.

boba *)	бабушка;
	блр. baba, обыкновено—babka;
bobél(n)e	наковальня, на которой куютъ косу.
Bočius	дѣдъ;
	блр. bacà — отецъ.
Boviti **)	проводить время;
	блр. bàvić, bàvićća.
Brang'ti	грабить;
	блр. и *пл.* bronic' — возбранять, прекословить и др.
Brilus ***)	шапка;
	блр. и *млр.* bryl, bryljok.
Britvà	бритва;
	блр. и *млр.* britva.
Brokas	ошибка;
	пл. brak.
Bũbnas и bubnà	барабанъ.
Bublos	бубликъ;
	блр. и *млр.* bublik.
Budavóti	строить;
	пл. budovac'.
Bukètelis	букетъ;
	пл. bukiet.
Bùksos и búksvos	штаны;
	пл. buksy.
Buras	сѣрый;
	млр. búryj — красновато-сѣрый.
Buróka	буракъ;
	пл. burak.
Builė ****)	картофель ****).

*) Id.

**) обыкновенно —bovitis'.

***) Zemait.

****) Zem. cf. — bulbė: id. ср. млр. bulba.

Ciėćorius, ciėśorius	цесарь;
	пл. cesař.
Cibukas, cino cibukelis	мундштукъ;
	пл. cybuch.
Cit	тихо, смирно;
	пл. cyt.
Cytana	цитра;
	пл. cytra.
Cytrina, cytryna	цитронъ;
	пл. cytryna.
Cnata	добродѣтель;
cnatyvas	добродѣтельный;
	пл. cnóta, cnotlivy, cnotlivość.
Cúkorius, cukyrys	сахаръ;
	пл. cukier.
Čiařtas	чортъ (ср. стр. 38);
	блр. и *млр.* čort,
Čiéditi	щадить;
	блр. ščadzić'.
Čẽpčus	чепчикъ;
	блр. čepéc'.
Čẽprõnas	шафранъ;
	пл. šafran.
Čerepakas	черепаха;
	млр. čerepacha.
Čertablakė	трава-чертополохъ;
	млр. čertopołoch.
Čiẽsas	время;
	блр. млр., и *пл.* čas:
nečeśtis	несчастье.
Čẽtulė *)	тетка;
	пл. ciotula.
Četvertis	четверть;
	млр. četvert,
	блр. četvertyj — четвертый.

*) Ind. Sirv.

Čytas	щитецъ (ум. отъ сл. — щитъ); *пл.* ščyt.
Čulka	чулокъ; *млр.* čułka.
Damyče	горшокъ; *пл.* donica.
Darmai	напрасно; *пл.* darmo, daremnie.
Dekavònė	рѣдкій;
dekà	благодареніе;
dekíngas	благодарный.
Didkė, dilkė	маленькая монета; *пл.* dulek.
Dývas	чудо;
dyvnas	чудесный;
divytis	удивляться;
padyva	удивленіе; *блр.* dziv и dzívo, dzivnyj и dzivíćća.
Draska geležìnė	желѣзная чешуя; *млр.* dřoska — чешуя.
Drebnus	маленькій; *пл.* drobny.
Duda	оленній рогъ; *блр.* и *млр.* dudá.
Dula	груша; *блр.*, *млр.* и *пл.* dúlá.
Dušė́	душа; *пл.* duša.
Etmonas	предводитель; *млр.* hetman.
Gadynà, adyná	часъ; *блр.* hodzina — часъ время и вообще — пора.
Gansorius	горшечникъ, гончаръ (горшеня); *блр.* hončar'.

Gacpadà и gaspadà	гостиница;
	блр. hospóda.
Gãtavas	готовый;
gatãvyti	приготовлять;
	блр. hotovyj, hotováć.
Góda	хвала, честь;
godoti	хвалить;
	блр. (и *пл.*) hodać—говорить.
Gojas, gojus *)	роща;
	блр. haj,
	пл. gaj.
Graiti	играть,
	пл. grać.
Griẽkas	грѣхъ:
griẽśyti	погрѣшать;
	пл. gřech (grešny).
Gročus	игрокъ;
	пл. grać (см. в).
Grõmiata	письмо;
	млр. hramóta.
Gronyče	граница;
	пл. gronica.
Gubas — въ dvigubas	двойной (сл. сугубый);
trigubas	тройной.
Gúne	погоня;
	блр. húná, húńka.
Idai	черви;
	млр. hyd.
Iškada	вредъ;
	блр. (и *млр.*) škóda.
Jalmužna, almužna	милостыня;
	пл. jałmužna.
Jekšis, jekštis	топоръ;
	пл. okša.

*) Ср. древне-литовск. elkas.

Jevà	верба;
	млр. iva.
Juka	супъ (бульонъ);
	блр. juchá (*млр.* juška?)
Kačérga	кочерга;
	блр. kočerhá.
Kaladá	колода;
	блр. kolóda.
Kalatiti	колотить (бить);
	млр. kołotytys',
	пл. kłóćićśię.
Kaldra	крыша;
	блр. kółdrá.
	пл. kołodra,
Kalẽja	рядъ (колея, колеина);
	блр. kóleja,
	пл. kolej.
Kaliãsa, kaliãsas	коляска;
	пл. kolasa.
Kalmarius	чернильница;
	пл. kałamař.
Kałpokas	шляпа; картузъ (*голл.* kardoes);
	пл. kołpak.
Kaminas	каминъ;
	пл. komin.
Kañčius	кнутъ;
	блр. končúk.
Káplanas	священникъ;
	пл. kaplan.
Kralíkas	кроликъ;
	млр. karolyk,
	пл. królik.
Kardas	мечъ;
	пл. kord.
Karūnà	корона;
	пл. korona.

Kasà	коса;
	млр. kosà.
Kaštanas	каштанъ;
	пл. kaštan.
Kaštavóti	пробовать;
	пл. koštovac'.
Kotẽ	кошка;
katinas	котъ;
	пл. kot.
Kauliti	бранить, ругать, поносить;
	млр. chulyty.
Kaũras	коверъ;
	блр. kover.
Kepuzė	зимняя шапка;
	пл. kapuza.
Kẽšenius	карманъ;
	пл. kiešeń.
Kiklikas	куртка;
	пл. čechel
Klapotá	хлопоты;
klapàtyti	хлопотать;
	блр. klópot.
Klebati	льстить;
	пл. prochlebjać.
Klijei	клей;
	млр. klij.
Klõštorius	монастырь;
	пл klaštor..
Kodis	кружка;
	блр. и *пл.* kadž,
	млр. и *влр.* kad'.
Kóloti	порицать;
	пл. kolač.
Kopija	копье;
	пл. kopja.
Kortà	карта;
	пл. karta.

Kóše	каша;
	пл. kaša.
Krăpinti	кропить;
	блр. и *пл.* kropić;
	млр. kropyty, id.
Krivas	кривой;
	блр. krivyj
Krópa	каша (ср. в.);
	пл. krupy.
Krupkė	пуговица;
	пл. kropka — точка.
Kucos	кутья;
	блр. kuććà,
	млр. и *влр.* kutja.
Kiunĕna	конина;
	пл. konina.
Kulė, kulka	шаръ;
	пл. kula, kulka.
Kupa	куча;
	блр. и *млр.* kupa.
Kuràbas	трубка *).
Kúrpė	башмакъ;
	млр. и *пл.* kurpie.
Kuska	платокъ
	блр. и *млр.* chustka.
Kvajė	сосна;
	млр. chvoja.
Kvalčavótė	утесикъ;
	блр. chval's,
	пл. falšovańie.
Kvàrba	краска;
	блр. chvárba.
Kvartúna	счастье;
	блр. chvortuna,
	пл. fortuna.

*) Тр. изъ бумаги Qu. s (= karabas).

Łakanka	лохань;
	влр. łochanka.
Łančiti	связывать;
	пл. łąčiyć.
Lavenda	лавенда — то же, что лаванда (растéніе—Lavuudula Spika);
	млр. ljavanda.
Liẽkornis	врачъ;
	пл. lekař.
Ledăkas, ledŏkas	безпорядочный;
	блр. ledàšto,
	млр. ledačij,
	пл. ladaco,
Lėlẽ	кукла;
	блр. и *пл.* ljalja.
Lėvas	левъ;
levičė	львица;
	пл. lev, lvica.
Likvărius	подсвѣчникъ;
likterna	фонарь;
	блр. lichtar (ср. н. Licht?).
Lyra	лира;
	млр. łyra.
Litera, literėlė	буква;
	пл. litera.
Lojoti (сл. kauliti, 44)	бранить, ругать;
	пл. łajać.
Loskà *)	милость;
	пл. łaska.
Lùba	крошка;
	пл., łub (*блр.* и *млр.* łubka).
Lúkai	лукъ;
	блр. *млр.* и *пл.* łuk.
Lutis	буря;
	млр. lut'.

*) Въ эт. зн. рѣдко; обыкновенно — locka.

Mačyti		лѣчить, помогать; ср. *пл.* pomoc.
Majentnastis		имущество; *пл.* majętność.
Matka		кормилица; *млр.* и *пл.* matka.
Maruditi		мѣшать, надоѣдать. *блр.* morudzić (ср. *млр.* moroćyty?).
Mašna		мѣшокъ; *млр.* mošna, *блр.* mošonka.
Matula		мать; *блр.* matúlja.
Mečius		мечъ; *пл.* (и *млр.*) mieč.
Melńiče		мельница;
	melninkas	мельникъ; *влр.* melnica, melnik.
Miẽstas		городъ (*пл.* miasto, *млр.* mīsto);
	miẽščionis	мѣщанинъ; *блр.* mêsto, *пл.* mieščan.
Meškà		медвѣдь;
	mẽškins, meškė	медвѣдица; *пл.* miešek (маленькій мѣхъ).
Meškóti		идти тихо; *влр.* mêškat' (=медлить въ ч.-л.); *пл.* mieškać (=жить).
Melelnmkas		скоморохъ; *блр.* metalnik, *пл.* mielelnik.
Migdolas, migdala		миндаль; *пл.* migdał.
Militi		ошибаться; *пл.* mylić się.

Mistras	мастеръ; *пл.* mistř, majěster.
Móčeka, močkà	мачеха; *влр.* mačecha, (*млр.* mačucha).
Moliavóti	рисовать красками; *блр.* malevać.
Moterỹnas	материнка (растеніе — *душица*, Origanum vulgare); *влр.* и *млр.* materynka, *пл.* macieřanka.
Mozoti	мазать; *блр.* mázać.
Mukà	мука; *млр.* muka, (*пл.* męka).
Mũilas	мыло; *блр.* и *млр.* myło.
Múras	стѣна; *блр.* mur, *пл.* mulař.
Murkšinti	пачкать (ср. печь мурвл.).
Navas	новый; ср. *блр.* noviná.
Nečestis	несчастіе; *млр.* neščastje, *пл.* nieščęsie.
Nepras — Dnieper: ср. *млр.* nipro.	
Nodĕjė	надежда; *пл.* nadzieja.
Nuprõznas	напрасный; *блр.* и *млр.* naprasnyj, *пл.* naprózno — тщетно.
Nudnas	скучный; *блр.* núdnyj, *пл.* nudny.
Obyvatélis	житель; *пл.* obyvatel.

Ovitiš	бодрствовать;
	пл. javić się jav.
Probžanas	благочестивый;
	пл. probožny.
Paceleta	платокъ (носовой).
	пл. facelet.
Padkavà	подкова;
	пл. podkova.
Paduška	подушка;
	пл. poduška.
Pakajus	комната;
	пл. pokoj.
Pakara	смиреніе;
	пл. pokora.
Pakvočus	булочникъ;
	млр. pachac.
Palmiskas	чашка, тарелка.
	пл. półmisek — блюдо.
Palocus	дворецъ;
	пл. pałac.
Palvas	блѣдный, блеклый;
	млр. połovijj,
	пл. płovy.
Pančeka	чулокъ;
	блр. pancŏcha,
	пл. pońćocha.
Popartis	флагъ;
	блр. páperć—паперть.
Papuža	попугай;
	млр. papuha,
	пл. papuga.
Paràniti	сѣчь, рубить;
	пл. poranić — ранить.
Pargamynas	пергаментъ;
	пл. pergamin.

Pasaga	подруга;
	блр. и *млр.* pasok,
	пл. pasek.
Paślas	посолъ;
	блр. posół,
	пл. poseł (poselstvo).
Pastyjołka	сливки;
	блр. postojalka—сладкое молоко.
Potėka	удовольствіе;
	млр. poticha,
	пл. pociecha.
Patsúkas	крыса (большая);
	блр. páćuk.
Pavėtra	чума (повѣтріе?);
	блр. povêtřenaja,
	пл. povietře.
Pĕčėtė	печать;
	влр. pečat',
	блр. pečátka,
	пл. piečęć.
Peklà	адъ;
	блр. péklo,
	млр. pekłŏ.
Pestiti	заботиться;
	блр. pêśćić.
	пл. pieśćić.
Pevnas	вѣрный;
	пл. pevny.
Pijulkė	фіалка;
	пл. fiolek *).
Pipkis**) pỳpkė	трубка;
	блр. pipka.
Piršis	грудь;
	пл. pierś.

*) Вѣрнѣе — fijolek,
**) Также — pypkis.

Pleponas, plepon *)	пасторъ;
	блр. plebán.
Plẽcius	мѣсто;
	пл. plac.
Pléme	племя:
	блр. plémie.
Plepė̃ti	болтать;
	пл. plaplac'
Plostras	мостовая;
	пл. plaster.
Plugas, pliùgas	плугъ;
	млр. płuh.
Pomėtis	память;
	блр. pámjać,
	млр. pamjat',
	пл. pamięć.
Põpierius	бумага;
	пл. papier, papiern'a.
Požitkas	выгода, барышъ;
	блр. požítok,
	пл. požytek.
Prájovas	чудо (диковина);
	блр. projava.
Prašýti	требовать, усиленно просить;
	пл. prošić.
Priẽtelius	пріятель;
	блр. priácel',
	млр. pryatel',
	пл. přyaciel.
Priemìngas	пріятный;
	блр. prijémnyj.
Priklodas	примѣръ;
	пл. přykład.
Prũditi	дуть;
	блр. prúdzić.

*) Рядомъ—др. ф.: plebonas.

Půdlas	коробочка:
	пл. pudło.
Pudvyčė	пуговица;
	влр. pugovica.
Punė	стойло;
	(*влр. млр.*) *блр.* púńa.
Pùšnas	гордый;
	блр. pušnyj.
Rabužeė	тихо, медленно.
Racinė	картофель;
	млр. rachiny.
Rankóvė	рукавъ;
	блр. rukavà,
	пл. rękav.
Rapnikas	кнутъ;
	млр. и *пл.* harap, harapnik.
Rãtušė	ратуша (= купеческая управа)
	пл. ratuš.
Raĩstras	роспись, реестръ;
	блр. reestr,
	млр. rejstr.
Rėčė	вещь;
	блр. и *пл.* řeč,
	млр. rič.
Repečka	жаба;
	блр. rapúcha,
	млр. repúcha и rjapucha.
Rẽzvas	веселый;
	пл. řeźvy.
Ricerius	рыцарь;
	млр. łycár,
	*пл.*ryceř.
Rĩzai	тряпье.
	блр. riźze.
Rodnas	удобный;
	млр. radnij.

Roná	рана.
	пл. rana.
Rožė	роза;
	блр., *млр.* и *пл.* róža.
Rũbas	платье;
	блр. rub.
Rubokas	червь;
	блр. rybák,
	пл. robak.
Sagonas	котелъ;
	пл. sagan.
Solota, solótas	салатъ;
	млр. и *пл.* sałata.
Sčėstis *)	счастье.
	блр. и *млр.* ščaśće **)
Sièras, sierà	сѣра;
	млр. séra, síra, sírka,
	пл. siarka.
Sėta	пряжка ***).
Sylà	сила;
sỹlyti	принуждать;
	блр. śiła, śilić,
	млр. syła.
	пл. siła.
Siłkė	селедка;
	влр. обыкн. ф. мн. ч. — selĭdĭ,
	млр. seledka,
	блр. seledzéé,
	пл. śledź.
Skaba	подкова;
	влр. skoba.
Skàpas	овца;
	пл. skop, skopiec.

---

*) Ср. nesčestis — несчастіе; см. в.: стр. 48.

**) Ср. блр. neščište, также и млр.

***) Le corset (?) — корсетъ. N.

Sklẽpas	сводъ, склепъ; *пл.* sklep.
Skrypka	скрипка; *млр.* skrypki, *пл.* skřypce.
Slãnas	слонъ; *пл.* słoń.
Slėsorias	слесарь; *млр.* ślusar', *пл.* ślusař.
Sodžiei	сажа; *пл.* sadza.
Spyžarnė	столовая; *блр.* и *пл.* spižařna.
Sragus	лютый, суровый; *пл.* srogi.
Staminti	дымить; *блр.* stomit' и stomic', *млр.* tomyty.
Styga	струна; *млр.* styh, steh.
Stódas	стадо; *млр.* и *пл.* stado—стадо скота.
Storõnie	забота; *пл.* starańie (ср. starać się).
Strovà	кушанье; *блр.* stráva.
Strúsas	страусъ; *пл.* struś.
Súdas	кружка; *блр.* súdy, *млр.* sosud.
Sumienė	совѣсть; *пл.* sumienie.
Sviẽtas	свѣтъ.

Svikla — свекла;
(*пл.*) и *млр.* śvíkła.

Svalbierius — обманщикъ;
блр. šalběr,
пл. šalbieř.

Svarpūti — спѣшить;
блр. и *пл.* šarpać--схватить.

Svěpa — ящикъ;
пл. šafa (šafař—ключарь).

Sverstelis — шерсть;
влр. šerstь',
мл. и *пл.* šerść.

Svilkaĩ — шелкъ;
влр. šełk,
блр. и *млр.* šook.

Svirénka — шейный платокъ;
блр. širína,
млр. šyrỳnka.

Svkołà — школа;
пл. škoła, školny.

Svlovẽ *) — слава;
пл. sława.

Svmākas — вкусъ;
пл. smak.

Svioblis — сабля;
блр. и *пл.* šàblja.

Svpotnas — грязный;
блр. špétnyj,
пл. špetny (невзрачный).

Svriúba — винтъ;
блр. šrub,
пл. śruba.

Svtúrmas — буря (и штормъ);
пл. šturm.

---

*) Сл. nešlovẽ — безславье: пл. niesława.

Sᵛurkštùs	острый;
	пл. šorstki (шероховатый, грубый).
Sᵛviežias	свѣжій;
	блр. svêžyj,
	млр. śvižyj,
	пл. świeży.
Sᵛvínas	свинецъ;
	влр. svinéc,
	млр. svyzncevyj — свинцовый.
Táncus	танецъ;
	блр. tánec,
	млр. tancovaty,
	пл. taniec.
Tėlas	теленокъ;
	блр. ćele,
	млр. telja,
	пл. cielę.
Temnyčià	темница;
	блр. cemníca,
	млр. temnyća.
Teróti	терять;
	влр. terjat',
	млр. tyraty (*пл.* tracić).
Tyká, tykùmas	тишина;
	блр. cis', ciša,
	млр. tychyj,
	пл. cichy.
Tymiõnas	ѳиміамъ;
	пл. tymian.
Tobličė	таблица;
	пл. tablica.
Tolẽrius	тарелка;
	пл. taleř *)
Totorus, totoris	татаринъ:
	млр. и *пл.* tatar.

*) Ср. блр. talérka, млр. talir, н. Teller.

Triumna	гробъ;
	блр. truná,
	пл. trumna.
Tronas	тронъ;
	пл. tron.
Triubà	труба;
	блр. trubà и trubić: ср. сл-*пл.* trąba.
Triùškis	кроликъ (ср. в., 43);
	блр. truś,
	млр. trucha.
Tulponá	тюльпанъ;
	пл. tulipan.
Tuštas	пустой, бѣдный.
Tvérti	творить, производить;
	пл. tvořyć, stvořyć.
U'bagas	убогій, нищій;
	блр. ubóhyj,
	пл. ubogi.
Udilai	удила;
	млр. vudyło,
	пл. vędzidło.
Ungûlís	подковный гвоздь;
	млр. uchal.
Úksûsas;	уксусъ;
	влр. uksus.
Ustavičnai	постоянно;
	пл. ustavičnie.
Uvožoti	уважать;
	блр. и *пл.* uvažáć
Vadka *)	водка;
	пл. vódka.
Vaĭskas	войско;
	блр. и *пл.* vojsko,
	млр. vijsko.

*) Также — vatka (гдѣ t при k — изъ d).

Valdimieras	правитель; *млр.* volodymir.
Valé	воля; *блр.* и *млр.* volja *)
Váranka **)	воронка; *влр.* voronka.
Vargõnaĩ	органъ; *блр.* arhonnik, *пл.* organy.
Vaška	фунтъ; *блр.* и *млр.* vážko***)--тяжело.
Varvalis	рыбій жиръ (ворвань); *влр.* vorvań.
Važnyče	извозчикъ; *пл.* voznica.
Večĕrė	ужинъ (вечеря); *пл.* viečeřa.
Vejunis	Наминъ-рыба; *млр.* vjun, vijun.
Velŷkos	Пасха; *блр.* veličko, *млр.* vełykdeń, *пл.* vielka.
Verbliũdas	верблюдъ; *млр.* verbljùd, *пл.* vielbląd.
Vėstė, vėstis	вѣсть; *млр.* viśt', *пл.* vieść.
Vílna	шерсть: *млр.* vóvna ****) *пл.* vełna.

*) Ср. и прилагательн.— vólńyj.

**) Тоже и — vérenka.

***) Сл. važyty—вѣшать (важить: Wage).

****) Въ блр. яз.: vovńanki — родъ грибовъ.

Vobiti	манить;
	блр. и *пл.* vàbić.
Vosilkà	василекъ;
	млр. vasylok.
Zalatoriùs	золотыхъ дѣлъ мастеръ;
	блр. и *млр.* załotar' (при сл.— załotó).
Zbaras	собранie;
	пл. zbór.
Zdroda	измѣна;
	блр. и *пл.* zdráda,
	млр. izrada.
Zelkorius	зеркало;
	млр. zerkalo.
Znókas	знакъ;
	блр. znaki,
	пл. znak.
Žvãnak	колоколъ;
	блр., *млр.* и *пл.* dzvon.
Žebrokas	нищiй (ср. в., 57);
	блр. и *пл.* žebrák.
Žẽglis	парусъ;
	пл. žagiel.
Žegnóti	благословлять;
	блр. žehnáć,
	пл. žegnać.
Žéstis—ẽs	жесть;
	блр. žest'.
Žyčiti	желать;
	блр. zyčic',
	пл. žyčyć'.
Žùponas	жупанъ.
	блр. и *пл.* žùpan.
Žviras	камешки;
	пл. źvir.

B. Вліяніе славянскаго языка на литовскіе корни и синтаксисъ.

Въ предыдущей главѣ сдѣлана попытка указать на то вліяніе славянскаго языка, какое оказалъ онъ на литовскій. Естественнымъ, потому, кажется, представляется вопросъ, не испытывали ли и другія какія-либо стороны языка литовскаго подобнаго вліянія?

При обозрѣніи литовскихъ корней выступаетъ цѣлая тьма не литовскихъ суффиксовъ:

„ba“ въ словѣ: svodbà — свадьба и др.*);

„da“ „ „ krivdá — неправда и пр.**); суффиксъ — „ionia“ — тоже славянскаго происхожденія и мн. др.

Т. н. вторичный суффиксъ — „na“, образующій имена прилагательныя, также является заимствованнымъ; однако, гдѣ онъ — первичный, незаимствованность его сейчасъ же весьма просто сказывается***).

Суфф. — „orius“ — не вполнѣ правильно разсматривается изслѣдователемъ Карловичемъ, какъ заимствованный.

Суфф.: „nyčia“, вмѣсто чисто-литовскаго — „inyčia“, легко поддается разбору.

Суфф.: „tva“ или „tuvà“ въ сл. — britvà ****).

Суфф. — „stva“ *****) — произведенъ изъ польскаго; въ литовскомъ — tvă: senătvė.

Префиксъ — „da“ — заимствованъ изъ языка славянскаго; „dějas“ ******) — изъ польскаго.

---

*) Ср. šlužbà — служба и др.

**) Сл. kliaudà — ошибка и пр.

***) Какъ-то: plónos — тонкій, pólnas — полный и др.

****) Вм. должной формы — brietuvas.

*****) Въ словахъ: lakamstva, paspalstva и пр.

******) Ср. пл. „dziej“: piktadéjas, пл. złodziej — злодѣй.

При обозрѣніи литовскаго синтаксиса оказывается приблизительно слѣдующее: синтаксисъ прусско-литовскій всего болѣе осаждается германизмами; такъ, nũ, kö, вмѣсто —apiẽ kã: nũ съ родительнымъ взамѣнъ одного падежа, или — самостоятельнаго родительнаго.

Отдѣльные германизмы: jiś taĩ peř tiẽsą laĩko — àš peř taĩ dỹvyjûs...

Предлогъ — „pŏ“ — съ родительнымъ падежемъ: pŏ dešinẽs—направо, pŏ kairẽs—налѣво... заимств. изъ польскаго.*)

Нарѣчія о томъ же свидѣтельствуютъ; такъ, potám — потомъ, вмѣсто обыкновеннаго — pŏtŏ (изъ пл. potem).

Употребляемое въ литовскомъ обращеніи pŏns и pônė вмѣстѣ съ глаголомъ въ 3 лицѣ единственнаго числа тоже, по всей вѣроятности, взято изъ польскаго: pŏns bùs tŏks gers или: pônė bùs takià gerà — тождественно вполнѣ польскому выраженію: pan będzie taki dobry, pani będzie taka dobra.

Страдательный залогъ часто очень передается возвратною формой: jès teĩp vadínasi = такъ называется...

Употребленіе 2 л. ед. ч. прошедш. вр. несовершен.— вмѣсто д. 3 л. можно считать славянизмомъ; такъ, напр., bùk švenñčiamas tãvo vãrdas — вмѣсто t'esiẽ...

Замѣна сказуемаго существительнаго посредствомъ instrumentalis'a — также намекаетъ на славянское (польское) заимствованіе; такъ, напр., àš esù žmogumì—по-польски: jestem człowiekiem. И воздѣйствіе это на литовскую рѣчь со стороны стихіи славянской не ограничивается извѣстной сферой: оно обнимаетъ весь литовскій словарь.

Слѣдующія измѣненія, напр., не могутъ быть объяснимы безъ посредства, болѣе или менѣе сильнаго или слабаго, вліянія славянскаго: peř bérną šlũžyti — служить слугою, вмѣсто болѣе вѣрнаго выраженія — bérnu še (пл. za parobka służyć) kàs taĩ peř žmogùs, вмѣсто — kŏkst... соотвѣтствуетъ польскому выраженію: co to za človìek; čià bùvo kŏks šimts, kokiẽ devyńi mam—было либо 100, либо 9 = пл. выраженію: tu było jakich sto, jakich dziewęc.

Г. Литовскія слова, заимствованныя изъ языка славянскаго.

Литовцы приходили въ частыя соприкосновенія съ племенами славянскими, въ особенности — съ бѣлоруссами и малоруссами (отчасти и съ великороссами) *); рѣже приходилось имъ сталкиваться съ поляками: приводимыя въ азбучномъ чинѣ слова подтверждаютъ выраженное сужденіе, заключая къ вѣроятности, если не къ правдивости, хотя бы и относительной, положенія.

Aḃlava	облава;
	пл. oḃłava.
Agurkas, lit. agur̃kas	огурецъ.
Bȧḃa, lit. bóḃa	старуха (бабушка, баба).
Balamute, lit. ḃalamutas	болтунъ.
Baraškaš, baraškas	баранки;
	пл. oḃaŕanek.
Baznica, lit. ḃažnẏčė	храмъ.
Belaks	бѣлый заяцъ;
	блр. ḃěl̓ják.
Birkavs, ḃirkava	берковецъ;
	влр. ḃer̃kovec.
Bûda, lit. ḃudá	будка.
Bulvâns, lit. ḃalvõnas	пугало (болванъ?).
Cicars, lit. ciėćorius	царь.
Čaba	жаба;
	блр. и *пл.* žaḃa.
Čarka	чарка;
	блр., *млр.*, *влр.* и *пл.* čar̃ka.

*) Такъ, извѣстно между прочимъ, что литовцы называютъ русскихъ общимъ именемъ — „krevi“: и въ этомъ имени нельзя, кажется, не узнать древнихъ нашихъ кривичей, т. е. бѣлоруссовъ.

Čẽdišana (lit. čiẽdyti—щадить)	пощада.
Čigans, lit. cigõnas	цыганъ (татарск. čingenè?).
Čuguns	чугунъ;
	влр. čugun (*млр.* čuhun).
Čučka	собачка;
	блр., *влр.* ćùćka.
Dobûti	получить;
	влр. добыть,
	пл. dobyc'.
Dĩgât, lit. dĩgăti	двигать;
	влр. dvigat' (*млр.* dvyhaty).
Dzilnis	дятелъ;
	блр., *влр.* želna.
Gaspaža	госпожа;
	блр. hospožeńka,
	влр. gospoža.
Gembas	ротъ;
	пл. gęba (= губа).
Gnĩdas	гнида;
	блр. и *млр.* hnidy.
Guži, lit. gužė	гусь;
	блр. huś,
	влр. guś.
Gubît, lit. gubîti	прогонять;
	блр. hubic' (*пл.* gubić),
	влр. gubit' (уничтожать).
Indiks	индюкъ;
	пл. indyk.
Jermulka	ермолка;
	пл. jarmòłka.
Kalačit (= kalačiti)	будить;
	пл. kołatać (= стучать).
Kalps	холопъ;
	блр. chółóp (= *пл.* chłop).
Kanepe, lit. kanăpės	конопля.

Kapata	женская одежда (капотъ);
	пл. kapota.
Karmančiks	карманщикъ;
	блр. kormánnik.
Karõgs	флагъ;
	пл. chorągiev (совр. flag).
Kurpe, lit. kúrpė	башмачекъ.
Kvars	слабый;
	блр. и *млр.* chvoryj.
Lãska, lit. locká	милость.
Lapšas, lit. lapati	лапоть.
Lemesis	лемехъ;
	пл. lemeš.
Leste	кадь;
	блр. и *пл.* lešč.
Ližika	ложка;
	пл. łyžka.
Lulkis	дудка;
	пл. lulka.
Mẽms	нѣмой;
	блр. nêmyj,
	пл. niemy.
Militis, lit. militi	ошибаться.
Muninš	деньги;
	пл. moneta.
Mužiks, lit. mužykas	мужикъ.
Naimitis	поденщикъ;
	блр. и *млр.* náimit.
Negadns, lit. gadnùs	негодный.
Oboze, lit. ãbazas	обозъ.
Obrazse, lit. ãbrõzas	образъ.
Pâtaga, lit. botãgas	кнутъ (батогъ?).
Pak mels, lit. pakmelis	похмелье.
Palkavnéks, lit. palkavnikas	полковникъ.
Paščuks, *гл.* gaščiti (= пасти)	пастухъ.
Pavada, lit. pavads	поводъ (ремень у узды коня);

Pazuka и pazucha	пазуха.
Pekle и pekeles	пропастъ *).
Plecs и plece	плечо;
	пл. plecy.
Pluts, гл. pluti (=плутовать)	плутъ.
Polaks	полякъ;
	пл. polak.
Popravitis и papravitis	поправиться, устроиться.
Põvs, lit. põvas	павлинъ.
Pralka, lit. prãlika	прялка.
Pribaka, lit. pribaks	прибавка.
Prošava (poprošiti = прощаться)	прощаніе.
Pulks, pulka, lit. pułkas	изобиліе, множество.
Rabota, lit. rabatà	работа, занятіе.
Râmis	паромъ;
	млр. porom.
Rente, lit. randà	аренда.
Röbēža, lit. rubēžius	рубежъ, граница.
Rûčnèks	ручникъ, утиральникъ;
	млр. ručnik.
Sânus	сани;
	пл. sanie.
Sažens (saženiti = измѣрять)	сажень.
Silke, lit. silkė	селедка (ср. в., 53).
Skrîne, lit. skrŷnė	ящикъ;
	млр. skrynia.
Slède (slėditi = слѣдить)	слѣдъ.
Slénas	слюна;
	блр. slinja.
Sluga, lit. slũga	служанка.
Sõma, sõms	сума.
Spegs, lit. spėgas	шпіонъ, сыщикъ.
Stakans и stokans	стаканъ.
Stulpane	тюльпанъ;
	пл. tulipan.

*) Ср. лит. peklà — адъ = млр. pekło.

Sunkis	свинка;
	пл. sviṅka.
Svāti	сватъ;
	млр. и *пл.* svat.
Svežs, lit. švēžas	свѣжій;
	пл. śvežy.
Svins, lit. švìnas	свинецъ.
Švartus (šartiti = шутить)	шутка *)
Švinelis	шинель.
Špickas	спички.
Šûba, lit. šuba	шуба;
	блр. и *млр.* šuba.
Tavariča, lit. tavõrčcius	товарищъ;
	млр. tovarišč.
Têprît, m. l.	терпѣть, переносить.
Timpa, m. и l.	маленькая монета;
	блр. timpa.
Tolks, lit. tùlkas	совѣтъ, помощь, содѣйствіе.
Tuce, id. l.	туча;
	блр. tucja.
Vaina (*ai* — изъ *i*)	вина, причина.
Verniba и vêrniba	вѣрность.
Vîrît, lit. vierà (= вѣра)	вѣрить.
Vnicitis	учиться (сл. вникать).
Zakis, lit. zuĩkis	заяцъ.
Zastava, т. и гл. ф.	застава.
Zizlis	жезлъ.
Zvans, lit. zvãnas	колоколъ:
zvãniti	звонить.
Žerbinš	жребій.
Žuls	желчь;
	пл. žòlć.
Živati	домашнія животныя;
	блр. životŷ.

---

*) Par šartu — въ шутку; пл. — prez žart = шутя и пр.

II.

Урало-алтайскія нарѣчія, въ силу недалекаго сосѣдства съ литовцами — съ одной стороны, съ другой — по вліянію, относительному, на складъ ихъ жизни міра славяно-русскаго, по праву историческому своему разсчитываютъ на вниманіе, — изслѣдованіе.

А. Географическая замѣтка.

Западно-финскимъ народомъ, или, иначе—Балтійскими финнами принято называть тѣ племена урало-алтайскаго, или, точнѣе — финско-угрскаго происхожденія, которыя занимаютъ восточные берега Балтійскаго моря, начиная отъ Рижскаго залива. Пространство это граничитъ, по западной сторонѣ, съ Балтійскимъ моремъ и заливомъ Ботническимъ, съ восточной — линіей, проводимой отъ Рижскаго залива, чрезъ южную часть Псковскаго озера, до устья р. Волхова: отъ Волховскаго устья нить пограничная тянется до Онежскаго озера и, наконецъ — до Бѣлаго моря. Сѣверную часть этого пространства занимаютъ лапландцы, пасущіе стада свои на безплодной равнинѣ и на горахъ трехъ-четырехъ, граничащихъ между собой, государствъ — Норвегіи, Швеціи, Россіи съ ея вѣтвью-княжествомъ Финляндіей. Лапландцы, принадлежащіе Русскому государству и населяющіе, такъ называемый, „Русско-лапландскій полуостровъ", исповѣдуютъ православную вѣру и не имѣютъ никакихъ литературныхъ памятниковъ на своемъ языкѣ, который, впрочемъ, много отличается отъ языка вышеназванныхъ лапландцевъ. *)

Языкъ лапландцевъ служитъ соединеніемъ между собственно балтійско-финскимъ народомъ и восточно-финскимъ.

Остальные балтійско-финскіе народы дѣлятся, по своему

*) Всѣхъ финновъ—20000. См. Forschungen auf dem Gebiete der Ural-altaischen Sprachen" von dr. August Ahlquist.

діалекту, на двѣ вѣтви; именно — Karjalaiset (корельцы) и Nämälaiset, именуемыя въ русскихъ хроникахъ: Jam (ями), Jäm, Jämen и по-шведски: Tavaster. Karjalaiset'ы населяютъ западную часть Архангельской губерніи, сѣверозападную сторону Олонецкой и почти всю губернію Петербургскую, а также —Новгородскую и Тверскую. *) Hämälaiset'ы (или — Jämen) занимаютъ страны, лежащія въ западномъ направленіи отъ названныхъ мѣстностей. Это — потомки упоминаемыхъ въ лѣт. Несторомъ вессовъ.

Съ которой поры народы эти занимаютъ населяемыя ими нынѣ страны, не извѣстно; но весьма возможно признать, или, точнѣе — вѣроятно предположеніе, что появленіе ихъ ведетъ свое начало со времени Рождества Христова.

Которое изъ племенъ арійскаго происхожденія успѣло оказать свое воздѣйствіе на финновъ, цивилизовать ихъ, — еще и въ настоящее время не вполнѣ опредѣлено.

Для рѣшенія этого вопроса существуютъ, правда, историческія записки; но ихъ очень мало; при томъ нельзя положительно ручаться за ихъ достовѣрность: поэтому, остается единственный вѣрный источникъ — языкъ. **)

Б. Фонологія.

Иностранныя слова, переходя въ языкъ финскій и въ западные діалекты его, сильно измѣняются. Такъ, напримѣръ, шведскія имена: Peter, Henrik на финскомъ—Pekka, Heikki и т. п.

Но всѣ подобныя измѣненія производятся по нѣкоторымъ правиламъ, именно: слоги, не составнаго слова могутъ содержать въ себѣ или только твердые гласные: „a", „o", „u", или только мягкіе: „ä", „ö", „ü". И, значитъ, въ двусложныхъ словахъ слѣдуетъ смотрѣть на второй (отъ конца) слогъ, чтобы узнавать, которые гласные въ финскомъ языкѣ

---

*) Ок. 30000.

**) Сл. мн. Ив. С. Аксакова, въ письмѣ къ покойному М. О. Кояловичу („Нов. Вр.", 6097), о пробужденіи заснувшаго духа побалтской литово-финской Руси,— съ показаніемъ различія во взглядѣ на служеніе славяно-русское, въ просвѣтительной миссіи, западной Европы (по письмамъ Ив. С. къ В. Ѳ. Пуцыковичу: „Моск. сборн." 1887, стр. 24, 27, 34)

(въ финскихъ нарѣчіяхъ) будутъ стоять въ послѣдующемъ слогѣ. Такъ, напримѣръ, шведское слово — väskä — соотвѣтствуетъ вполнѣ финскому — väsky.

Въ словахъ трехсложныхъ и вообще — многосложныхъ встрѣчаются нерѣдко твердые и мягкіе гласные вмѣстѣ. Это явленіе слѣдуетъ изъ того, что большая часть словъ многосложныхъ — составныя.

Иностранныя слова, вошедшія въ лексиконъ финскій, не измѣняютъ гласныхъ, хотя, правда, и существуютъ нѣкоторыя выраженія съ измѣненными гласными; такъ, напр., шведск. — offer — выговаривается финномъ — uhri, гдѣ, повидимому, „o“ шведскому соотвѣтствуетъ „u“ финское и пр.

Но въ народномъ языкѣ, равно и въ болѣе старой рѣчи слова сохраняютъ свои первоначальные гласные.

Коренные гласные звуки остаются неизмѣнными.

Только „o“ имѣетъ обыкновеніе переходить въ „u“; такъ, напр., шведскія слова — stock, loft — на финскомъ языкѣ произносятся отчетливо: tukki, luhti. Часто также гласный — „e“ — германской приставки — „ge“ — переходитъ въ „i“; такъ, шведское слово — gessäll (или gehäng) звучитъ по-фински: kisälli (kihengi).

Что касается долготы гласныхъ или ея измѣненія, нужно замѣтить слѣдующее:

а) долгому „a“, употребляемому въ новѣйшемъ шведскомъ языкѣ, соотвѣтствуетъ обыкновенное въ финскомъ діалектѣ „ä“ и, наоборотъ, —

б) шведскому „ă“, которое, впрочемъ, произошло изъ „ā“, соотвѣтствуетъ финское „ā“ (тоже долгое); такъ, напримѣръ, шведскія слова — ăm (или hăf), kăk — звучатъ по-фински: aami, haavi, kaakki;

в) встрѣчаются при этомъ финскія слова, въ которыхъ шведское „ă“ перешло въ „uo“, — напримѣръ, măna (имя) по-фински: muona, также иногда*) — въ „ou“: plăt — по-фински: loutu и т. п.;

*) Очень рѣдкое, впрочемъ, явленіе.

г) шведское „ä“ въ финскомъ языкѣ еще болѣе удлиняется; напр.,— län, häf на финскомъ выражается: lään, jääni и т. п.;

д) гласные — „i“, „u“, „y (ii)“ не измѣняются;

е) шведскому „ō“ соотвѣтствуетъ въ первомъ слогѣ финское „uo“; напр.,— stol, lod: по-фински — tuoli, luoti;

ж) долгій звукъ — „ō“ — во второмъ слогѣ переходитъ въ „uu“; напр., diagon — на финскомъ: rakuuna;

з) шведское „ö“ подвергается измѣненію аналогичному; напр.,— kök, на финскомъ: kyökki;

и) въ далекихъ (отъ конца) слогахъ финскіе говоры умѣютъ также дифтонгировать „ö“ въ yö (uö);

i) шведскій долгій звукъ — „e“ — въ первомъ слогѣ, по фонологическому закону финскаго діалекта, переходитъ въ „ei“: въ остальныхъ слогахъ „e“ не удлиняется.

Въ окончаніяхъ шведское „a“ переходитъ въ языкѣ финновъ въ „u“; такъ: krona, resa и пр. передаются на финскомъ — kruunu, reissu и т. п.

„J“ соотвѣтствуетъ окончанію существительныхъ на „e“, которое, по всей вѣроятности, произошло изъ „i“; такъ, напр., skräddare, по-фински räätäri.

Въ силу существующаго въ языкѣ финновъ закона, по которому каждое слово должно оканчиваться гласнымъ, **) называемымъ, обыкновенно, въ финскихъ грамматикахъ соединительнымъ гласнымъ,— ко всякому иностранному слову присоединяется гласный „i“; такъ, напримѣръ, lag, по-фински — laki.

Множество старыхъ словъ принимаютъ вмѣсто „i“ гласный — „a“, какъ „соединительный“; напримѣръ, лит. alun, по-фински: aluna.

Что касается согласныхъ — замѣтить слѣдуетъ, что звуки — „b“, „g“, „d“ и „f“ никогда не оканчиваютъ слова:

**) Ср. о томъ же въ фонологіи славянскихъ языковъ: имя и др.

и въ корняхъ, и въ приставкахъ звуки — „b“, „d“ и „g“ переходятъ въ „p“, „t“ и „k“; такъ, напр., bod звучитъ по-фински puoti и др.

Переходъ согласнаго „f“ въ „v“ замѣчается весьма рѣдко: только въ нѣкоторыхъ словахъ старыхъ „f“ перешло въ „v“; „f“ обладаетъ способностью измѣняться иногда (тоже очень рѣдко) въ придыхательный — „h“.

Въ окончаніяхъ — „f“ переходитъ, какъ то извѣстно и въ шведскомъ языкѣ, въ „v“.

Двойное „f“, въ корняхъ и въ окончаніяхъ, переходитъ въ „hv“; такъ, напримѣръ, ruff на языкѣ финновъ является въ формѣ — ruohvi.

Во многихъ урало-алтайскихъ языкахъ существуетъ законъ, по которому приставка не можетъ содержать въ себѣ согласныхъ звуковъ нѣкоторое накопленіе; поэтому, въ большей части приводимыхъ нарѣчій первые согласные выпадаютъ: въ нѣкоторыхъ, правда, приставкахъ первый согласный сохраняется, и выпадаетъ лишь второй. Существуютъ также слова, приставки которыхъ могутъ, какъ сохранять первый и выбрасывать второй, такъ и отсѣкать первый, удерживая второй, — напримѣръ, слово — grop — передается по-фински — ruoppa и kuoppa.

Не лишне, однако, замѣтить, что только корельскій діалектъ строго подчиняется изложенному правилу.

Сочетанія согласныхъ — „gt“ и „kt“ — свободно переходятъ въ „ht“; такъ, напр., doktor, звучитъ по-фински tohtori, lektor — lehtori, takt — tahti.

И, если двузвучному — „gt“ или „kt“ предшествуетъ согласный „n“, „g“ или „k“, ассимиляція дѣйствуетъ къ конечному „t“; напримѣръ, Bengt (Benedict) — Pennti, punkt — puntti и т. п.

Согласный „g“ имѣетъ обыкновеніе, если ему предслѣдуетъ „l“, переходить въ „u“ (иногда — въ „v“); напр., hagel, nagel (первоначально — hagl, nagl), по-фински: hauli, naula и т. д.

Если передъ „gl“ стоитъ „e“, то „g“ переходитъ въ „i“; напримѣръ: segel, по-фински — seili и пр.

Когда за „g“ слѣдуетъ „n“, то „g“ переходитъ въ „u“: vagn, по-фински — vaunu и др.

Двузвучное сочетаніе—„ng“—переходитъ въ дифтонгъ: „nk“; напр., greng, по-фински — renki.

Въ соединеніи: „gd“ — „g переходитъ въ „u“; такъ, напримѣръ, fogde звучитъ по-фински — vouti и пр.

Согласный—„g“, слѣдуя за плавнымъ —„r“, переходитъ обыкновенно, въ корнѣ:

а) — въ „j“, напр., färga, по-фински — värjään;

б) — въ „v“, напр., borgare, по-фински — porvari.

Двойной „g“ („gg“) измѣняется въ финскомъ языкѣ въ консонантъ: „k“; такъ, напр., brygga, по-фински — ryki.

„De“ или „dde“ видоизмѣняются въ „tl“; напримѣръ, puddela, по-фински — putlaan.

Въ народномъ языкѣ финскомъ между плавными зв.: „l“, „n“, и „r“—въ сочетаніи: „lr“ и „nr“—вставляется наконечный отзвукъ: „t“; напр., fänrik, по-фински — väntrikki. Т. н. дифтонгъ плавно-звучный—„nd“—переходитъ въ отзвучный — „nt“; напр., stund, по-фински — tunti.

Сочетаніе —„pt“— нерѣдко переходитъ въ „tt“; напр., kapten (kapiten), по-фински — kateeni; въ окончаніяхъ же — въ „ht“; напр., recept, по-фински — resehti.

„Ft“ перерождается, обыкновенно, въ „ht“,; напр., — saft, по-фински — sahti.

Въ сочетаніи —„fl“ — зв. „f“ замѣняется въ финскомъ языкѣ посредствомъ гл.—„u“ („y“); напр., tafla, по-фински передается — taulu.

Въ дифтонгѣ —„fr“ зв. „f“ примѣняется къ родственному отзвуку — „h“; напр., ofr, по-фински — uhri.

Фонема —„fs“— видоизмѣняетъ предконечный „f“ въ отзвукъ губнаго —„p“; напр., tofs, по-фински — tupsu.

Удвоенный „f“ („ff“) переходитъ, обыкновенно, въ „hv“; напр., gaffel, по-фински — kahveli.

То же измѣненіе происходитъ также и съ простымъ (одиночнымъ) „f“: professor — prohvessori.

Соединеніе звука губнаго — „m“ — съ заднеязычнымъ, или гортаннымъ — „k“, фонема — „mk“ — переходитъ въ сочетаніе — „nk“; напр., jemka звучитъ на финскомъ — jänkkään.

Въ дифтонгахъ — „ml“ и „mr“ — между „m“, съ одной стороны, и „l“ либо „r“ — съ другой, вставляется отзвучный губной — „p“; напримѣръ, kamritis, kamelot: по-фински — kampritsi, kamplotti.

Финскій языкъ не терпитъ соединенія многихъ согласныхъ; поэтому, въ слова съ дифтонгами — для благозвучія — вставляется гласный; напр., hamn — hamina или sämsk — säämyskä, sembla, semla — sämpylä и пр.

Въ окончаніи мужескаго рода плавный — „r“ — нерѣдко видоизмѣняется въ „as“; напр., konungr — kuningas, vargr — vargas (varas) и пр. т. п. *)

Иногда финскія, лапландскія и ливонскія нарѣчія къ слову, начинающемуся гласнымъ, приставляютъ согласный — „v“ или „j“; напр., uuhi, по-литовски — vuohi и т. п. **)

Въ болѣе цивилизованныхъ земляхъ финскій языкъ не терпитъ, на подобіе корельскому діалекту, твердыхъ согласныхъ: „k“ („g“), „t“, „p“ — передъ плавными: „l“ и „r“; потому, замѣняетъ ихъ звукомъ — „u“. Такъ, напр., корельскому — kaplas, hapras, äpräs, kopra и пр. соотвѣтствуютъ финскія — kaulas, hauras, äyräs, koura.

То же правило примѣчается и въ отношеніи къ иностраннымъ словамъ; напр., putro — puuro.

Нерѣдко иностраннаго происхожденія слова, переходя

*) Впрочемъ, нужно замѣтить, что окончаніе — „as“ — также часто встрѣчается и не въ значеніи флексіи падежной мужескаго рода.

**) Въ лапландскомъ діалектѣ подобныя приставки встрѣчаются особенно часто.

въ языкъ финскаго народа, теряютъ первый свой слогъ, если на немъ не стоитъ удареніе; такъ, напримѣръ, inspektor, по-фински—pehtori, epaulette—(olka-) poletti; и пр. т. п. Русскія слова: извозчикъ, горохъ и т. п. финнъ передаетъ — vossika, rokka. *)

Бываютъ въ языкѣ финновъ случаи, когда сложныя слова теряютъ свою вторую часть, оставляя только первую; напримѣръ, пароходъ — höyrylaiva: сокращенно — höyry. **)

Двусложныя слова подчинены слѣдующимъ измѣненіямъ: соединительный гласный а (ä) переходитъ ***) въ однихъ случаяхъ въ „o", въ другихъ — въ „i"; звукъ же чистый —„a"— переходитъ всегда въ „i".

Относительно примѣняемыхъ письменныхъ знаковъ, отступающихъ отъ буквъ обыкновенныхъ, необходимо замѣтить слѣдующее:

а) гласный звукъ —„i"—произносится, какъ русское ы;

б) „о" обозначаетъ зв. серединный между „u" и „o";

в) согласный „š" выговаривается, какъ русское „ш".

г) зв. „t" читается, какъ р. „ч";

д) „ž" произносится, какъ р. „ж";

е) „z" соотвѣтствуетъ р. „з" (или нѣм. мягкому „s");

ж) зв. „h" однозвученъ р. „х";

з) g читается, какъ р. „к";

и) „n" есть „носовое"=„н";

к) „ŕ" звучитъ серединно между „g" и „r„;

л) буквы —„d'", „l'", „n'", „r'", „s'", „t'"—изображаютъ звуки: „d", „l", „n", „r", „s", „t", смягченныя призвукомъ—„i".

Въ угрскихъ (вогуло-остякскихъ) словахъ буквою „w" изображаютъ звукъ, соотвѣтствующій англійскому „w".

---

*) Произн. vosika, rok(h)a.

**) Объясн. накл. выраженія; ср., напр., народн.— Лександръ, лебастръ, и пр., вм.— Александръ, алебастръ...

***) Ср. переходъ, или измѣненіе во мн. ч., предъ гласн. „i".

B. Бытъ.

„Человѣческаго рода древнѣйшая исторія покоится на подобіе его языка: и только изслѣдованіе тщательное языка въ состояніи бываетъ бросить лучи свѣта на нее.“

Я. Гриммъ. *)

И въ настоящее время еще съ трудомъ поддается разработкѣ почва болотистаго сѣвернаго европейскаго міра.

Нѣкогда охота и рыбная ловля составляли единственный источникъ пропитанія народовъ, населяющихъ эти мѣстности — непріютныя и угрюмыя.

У самыхъ сѣверныхъ поморовъ можно встрѣтить изъ домашнихъ животныхъ однѣхъ лишь собакъ. А у береговъ океана встрѣчаются также и олени сѣверные. И только болѣе южные финны имѣютъ возможность владѣть лошадьми и коровами.

Подробное изслѣдованіе названій этихъ животныхъ подтверждаетъ предположеніе, что финны, благодаря только извѣстнымъ арійскимъ племенамъ, узнали о большой пользѣ, какую приносятъ имъ теперь лошадь съ коровою и, главнымъ образомъ, сѣверный олень съ подругой — собакою.

Вѣрнѣйшій спутникъ охотника и номада, какъ свидѣтельствуютъ исторіи всѣхъ временъ и народовъ, — собака. Въ финскомъ языкѣ она имѣетъ много названій, самое обыкновенное изъ которыхъ — peni, въ современной рѣчи сохраняемое лишь въ формѣ уменьшительной — penikä (собачка).**)

Этому имени соотвѣтствуетъ эстонское слово — peni,

*) Dr. Aug. Ahlquist, cap. I: Viesucht.

**) Слово — penikka — родственно имени — pentu = щенокъ собаки или волка, также — лисицы.

у ливовъ — piń; на діалектѣ же лапландскомъ оно звучитъ — boen, мордва произноситъ — pine или pinä, черемисы говорятъ — pi, въ рѣчи вотяка слышится — punu, у зырянъ стяженное—pon, у венгровъ видоизмѣненное (съ перестановкой гласнаго) — eb, у вогуловъ и остяковъ (съ согласнымъ вставнымъ) — ämp и oamp.

Другое названіе для собаки существуетъ у эстовъ — kut's и kut'sik, у ливовъ (съ наконечнымъ гласнымъ i) — kut'sïki, которое соотвѣтствуетъ имени—kuta—у вотяковъ и венгерскому — kutya.

Слово это, по всей вѣроятности, арійскаго происхожденія.

Оно встрѣчается и въ русскомъ языкѣ — въ формѣ уменьшительной: кутёнокъ (kut'jónok A.), и у литовцевъ — kutsa (сука) и kutsens.

Оттуда и произошло слово — hurtta, эстонское — hurt, ливское — kürta (лягавая или гончая собака), оригиналомъ которыхъ нельзя не признать русское слово — хортъ (hort), литовское — kurtas, lett'ское — kurts.

Самое употребительное имя, или названіе для собаки, какъ дружественнѣйшаго въ отношеніи къ человѣку животнаго, встрѣчается также и въ языкахъ-нарѣчіяхъ эстовъ, вотяковъ и вепсовъ.

Имя — koira — сближается, кажется, съ таковымъ въ словарѣ остяковъ: hörmas (самецъ), которое, кстати замѣтить, часто весьма встрѣчается въ соединеніи и съ другими названіями животныхъ; такъ, напр. hör-ämp. и т. п.

Можетъ быть, слово это, финское вначалѣ, служило также первою составною частью сложнаго имени—koira-peni, которое, въ такомъ случаѣ, вполнѣ соотвѣтствовало бы остяцкому —hör-ämp. Не невѣроятно, видимо, сужденіе, что вторая часть этого слова могла выпасть, *) а первая составная сохранила значеніе полнаго сложнаго слова. Можетъ быть, именемъ этимъ обозначали сначала различеніе нѣкоторое отъ названія —peni, которое значило: 1) „собака“ (вообще = песъ) или 2)— „собака“, которой пользовались для цѣлей охотничьихъ.

*) Случай, свойственный финскому языку: см. отд. фонологическ. з.

Слово это, можно думать, и на языкѣ финскомъ обозначало самца: доказательствомъ является то обстоятельство, что имя прилагательное, образованное отъ разбираемаго имени, въ соединеніи съ названіями различныхъ животныхъ, опредѣленное имѣетъ значеніе; такъ, напримѣръ, koirassusi обозначаетъ волка-самца и пр.

Отъ имени —„собака"— естественнымъ можетъ быть названъ переходъ къ разсмотрѣнію слова, обозначающаго скотъ.

Nauta называетъ скотъ вообще, безъ различія пола.

Оригиналомъ этого имени послужило древнесѣверное названіе скота — naut, которое, по общему правилу фонологіи скандинавскихъ нарѣчій, перешло въ нынѣшнее nöt (Nöd)*)

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ слово это употребляется и въ первоначальномъ своемъ значеніи.

Имя—raavas—также встрѣчается, какъ названіе скота; но, главнымъ образомъ, оно имѣетъ значеніе скота, опредѣленнаго на убой. Значеніе этого слова, какъ въ сѣверно-финскомъ, такъ и въ русско-корельскомъ, такъ называемомъ, весьма просто — старый.

Этотъ случай, полагаютъ, основывается на томъ, главнымъ образомъ, что народъ употребляетъ, большею частью, на убой скотину старую, непригодную въ работахъ.

Въ языкѣ финновъ, равно какъ и въ другихъ діалектахъ урало-алтайской группы, существуетъ множество отдѣльныхъ словъ — для обозначенія различенія пола животныхъ и его молодыхъ. Такъ, вола финны именуютъ—härkä, быка—sonni; у эстовъ постоянно встрѣчаются слова: härg, sonn или sõnn; финск. vasa или vasika (теленокъ), у эстовъ — vasik или vasikas и пр.

Лапландское слово—mulli—произошло изъ шведскаго— mulle, которому соотвѣтствуетъ англійское — bull и слово славянское — волъ, быкъ. **)

---

*) Ср. (по Ahlquist'у) Rietz, Svenskt Dialekt-Lexikon, p. 468.

**) Ibid. ср. R. p. 447: Jonson, Oldnordisk Ordbog, S. 65 и тамъ же— das einfache Puodukt der Kuh.

Произведеніе коровы — молоко — имѣетъ во всѣхъ финскихъ нарѣчіяхъ, исключая лишь вѣтви лапландцевъ и остяковъ, различныя названія.

По-лапландски молоко именуется — mielke, каковое слово взято у скандинавовъ. Остяки называютъ молоко сложнымъ именемъ: ēsem-jińk. Буквальное значеніе его — грудная вода. Это явленіе обусловливается тѣмъ, что остяки лишь въ послѣднее время научены русскими доить сѣверныхъ оленей.

Самыя обыкновенныя названія для молока у финновъ — maito и piimä, также, рядомъ — rieska — maito, rēesk-piim или только — rieska.

Lönnrot's полагаетъ, что слово — riesk — произошло изъ языка шведскаго. *) Это предположеніе подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Калевалѣ **) слово — riesk — встрѣчается въ значеніи: молодой, свѣжій (ранній). Въ мордвинскомъ или мордовскомъ языкѣ молоко называется словомъ — lofsta или lovso. Отъ этого имени образовался въ финскомъ лексиконѣ глаголъ — lypsän.***)

Не подлежитъ, очевидно, никакому сомнѣнію, что финское слово — lypsän****) — образовано аналогично съ шведскимъ — mjölka — и нѣмецкимъ: melken.

И для лошади, какъ для скота вообще, взято названіе — hepó, hevonem — изъ языковъ индоевропейскихъ.

Но не слѣдуетъ, вторя прежнимъ изслѣдователямъ, принимать греческое ἵππος за основаніе финскому hepo. Гораздо ближе стоитъ къ нему шведское häppa, hapä, которое вообще употребляется въ южной Швеціи со значеніемъ — кобылица *****), равно и датское hoppe (= hŏppĕ — въ томъ же самомъ значеніи.

*) Сл. frisk, что обозначаетъ понятіе — свѣжій.
Ср. нѣм. frisch — свѣжій, новый, холодный.

**) 26 : 198.

***) Ср. нѣм. melken — доить.

****) Равно какъ и названіе молока — lypsä.

*****) Id. Rietz, S. 278.

Болѣе всего приближается къ этой формѣ эстонское — hobo, которое опять въ другомъ діалектѣ приближается своею формой — hebo — къ финскому: „hepo“.

И въ финскомъ языкѣ это слово имѣло въ прежнія, по крайней мѣрѣ, времена, отчасти, то же значеніе, какое выражаютъ и выше разобранныя: въ переводѣ „Landslag'a“ Ljung'омъ Thomassons'омъ *) встрѣчается оно въ значеніи — кобылица; ласкательное же — hevonen, напротивъ, означаетъ имя — жеребчикъ.

Еще и въ нынѣшнее время слово — hebo — встрѣчается въ вепскомъ нарѣчіи также со значеніемъ — кобылица **).

Съ этой стороны, языкъ финскій не имѣлъ надобности пользоваться словомъ, взятымъ изъ другихъ языковъ, такъ какъ онъ имѣетъ самъ свои особенности, которыми и можетъ пользоваться, давая собственныя названія для обоего пола животнаго.

Такъ, напримѣръ, финское имя — tamma (кобылица), orih или oris, orit (жеребецъ), — эстонское: täk, вепское: ubeh, вотяцкое: jaati — жеребецъ, — ливонское: kev ***) — кобылица, ira — жеребецъ (и жеребенокъ).

Но это заимствованное слово сдѣлалось общимъ названіемъ для подобнаго рода животныхъ.

Холощенная лошадь не имѣетъ въ языкѣ финновъ никакого названія. Оно и понятно. Этотъ способъ искалѣчиванія животнаго вошелъ въ употребленіе у финновъ только въ позднѣйшее время отъ сосѣднихъ народовъ, успѣвшихъ на полѣ оплодотворенія сѣменами цивилизаціи.

---

*) Это изложеніе законовъ есть провинціальное право короля Христофера; другое, подобное этому, есть „Stadslag“ — городское право. Оба имѣли силу, какъ въ Швеціи, такъ и въ Финляндіи до тѣхъ поръ, пока не былъ введенъ полный сводъ законовъ (въ 1734 г.); оба были переведены въ концѣ XVI столѣтія на финскій языкъ священникомъ, весьма даровитымъ и оч. сильнымъ въ свое время, — Ljund'омъ Tomassons'омъ. Чит. примѣч. Ahlquist'a, стр. 9—10.

**) По всей вѣроятности, славянское слово — кобыла — того же самаго происхожденія, какъ и вышеупомянутыя названія.

***) Ср. литовск. — kéve.

Названія для мерина суть: valakka, общеупотребительное въ западной и южной Финляндіи, и ruuna, употребляемое, главнымъ образомъ, внутри Карельской области.

Первое слово есть германское — vallack, Wallach, происхожденіе котораго, по всей вѣроятности, можно найти въ названіи народа Валахіи.

Такимъ же образомъ французское hongre (меринъ) произошло, вѣроятно, изъ Hongrie *).

Оба же названія указываютъ на то, что обычай скопить лошадей ведетъ свое начало отъ народовъ восточныхъ или, по меньшей мѣрѣ, — на то, что люди, посвященные въ это искусство, принадлежали къ національностямъ восточнымъ.

Въ древнемъ сѣверно-нѣмецкомъ нарѣчіи встрѣчаются для выраженія этого понятія также слова германскаго происхожденія: raun — меринъ, каковое имя тѣсно связано съ древне-сѣверно-нѣмецкимъ глаголомъ — rauen **), означающимъ — рѣзать, врѣзывать и т. п.

Въ сѣверныхъ нарѣчіяхъ существовало слово — runi — въ значеніи — холощенный кабанъ; и это самое слово встрѣчается въ вышеупомянутомъ кодексѣ провинціальнаго права, гдѣ Loccenius переводитъ его на латинскій языкъ чрезъ caballus (меринъ) и Ljung Tomassons — на финскій: ruuna.

Въ нѣмецкомъ переводѣ этого свода законовъ сл. — runi передано словомъ: кабанъ, Ihre и Schlyter переводятъ его также именемъ — verres.

Слѣдовательно, слово—runi, или, вѣрнѣе—значеніе runi можетъ подлежать сомнѣнію: хотя и Loccenius, и Ljung Tomasson ошибались немного, все же ошибка ихъ показываетъ намъ, что значеніе стараго сѣверно-нѣмецкаго слова — raun (меринъ) — не было не знакомо или не употребляемо въ болѣе старомъ шведскомъ нарѣчіи для соотвѣтствующаго—runi.

Но, если и предположить, что это древне-сѣверное слово

*) У ливовъ кастраторъ носитъ названіе — ungôr или ungôrs: слово которое, какъ видно, указываетъ на мѣсто происхожденія этого занятія, отъ котораго и не-юное сердце содрогается, — на земли при Дунаѣ.

**) Сл. новое съ древне-нѣмецк. — runen.

не имѣло значенія упомянутаго, при всемъ томъ мы имѣемъ въ литовскихъ словахъ гл. rūnit *), которое еще и теперь употребляется, — оригиналъ для финск. ruuna.

Къ слову, что называется, не лишне замѣтить и нѣкоторое этико-лингвистическое соотношеніе разбираемаго между верхнимъ (лѣвымъ) и нижнимъ (пріуральскимъ) наклономъ алтайской вѣтви **).

У черемисовъ имя мерина извѣстно подъ названіемъ — alaša, а у вотяковъ: uloša, каковое слово явственно весьма послушествуетъ о заимствованіи изъ языка татарскаго — alaša***); у вогуловъ и остяковъ merin — простое заимствованіе изъ народнаго словаря языка русскаго.

То же сужденіе явствуетъ и въ отношеніи къ поименованію быта земледѣльческаго, промысла, многоразличнаго, ремеслъ, — названію жилищъ, домашняго скарба, равно и мореплаванія, характеристики гражданскаго (мѣщанскаго) собранія и пр. т. п.

*) Id. lat: „equum castrare".

**) Извѣстно не малое количество словъ и въ отечественной рѣчи, не оставляющихъ никакого сомнѣнія въ смыслѣ воздѣйствія на способъ выраженія русскаго человѣка со стороны, напр., татарства: баба, башка, баштанъ, казанъ, капуста и пр. Сл. мн. повѣрья, суевѣрья... И это-то взаимовоздѣйствіе различныхъ народностей, составляющихъ многомилліонное населеніе государства, сообщаетъ послѣднему великую внутреннимъ значеніемъ силу, выросшую изъ земскихъ и политическихъ отношеній, внушительную и внѣшнимъ единствомъ, — силу, безъ посредства актовъ дипломатическихъ служащую здравосмыслящимъ соревнованіемъ, подъ стягомъ Самодержавія, въ дѣлѣ общаго преуспѣянія. И, значитъ, русская земля не представляетъ собою случайнаго соединенія пространствъ и народовъ, безъ внутренняго ладу и складу: она являетъ собой организмъ живой, созданный исторіей и народнымъ характеромъ — съ потребной мѣрою матеріи и силы, съ своимъ внутреннимъ распорядкомъ.

Сл. различіе въ жизни отдѣльныхъ областей, напримѣръ, Австріи „Славянск. ежегодн." Н. Задерацкаго, 1878, I.

Ср. роль современнаго волапюка. Сношенія порождаютъ и заимствованія. Истина, которая, впрочемъ, въ пересолѣ являетъ убійственную пародію на самыя цвѣтистыя мѣста родной рѣчи: „, мм. гг.! Позвольте мнѣ въ импорціальной формѣ резюмировать индивидуальность и конкретность пауперизма въ его ассеквенціи за аномальностью идей цивилизованныхъ расъ и цинизмовъ принциповъ, мистифируя авторитетъ амптомовъ парадоксальной иллюзіи, парализируя рессурсы..".

***) Id. comp. Wallach.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Исторія не помнитъ единства языка и народа, потомки котораго являются на ея страницахъ разселенными уже по всему земному шару и говорящими на разныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ. Всевозможныя повѣствованія о ростѣ человѣческой жизни не рождаютъ ни тѣни преданія объ образованіи языка. Наука предполагаетъ, что онъ возникъ путемъ естественнымъ и состоялъ вначалѣ изъ ограниченнаго весьма числа корней — для выраженія самаго тѣснаго круга понятій первобытнаго царя вселенной, ознакомленіе съ которой ввѣрялось времени. Единая нѣкогда семья человѣческая въ теченіе довольно продолжительнаго періода, уходящаго за горизонтомъ историческаго бытія, успѣла сильно размножиться и разойтись по всему лицу необъятной земли, распавшись на отдѣльныя племена и народности. Естественно, что каждая отдѣльная племенная вѣтвь стала говорить своимъ языкомъ, отличнымъ отъ собратней. Причины неуловимыя въ дѣлѣ окаменѣнія древнѣйшихъ и рожденія—оплодотворенія яз. юнѣйшихъ всюду и всегда однѣ и тѣ же: худосочіе, старческая немощь — съ одной стороны, съ другой — новыя повсемѣстныя условія климатическія, почвенныя, географическія, бытовыя и мн. др. сильно вліяютъ на выработку новаго съ предварительнымъ измѣненіемъ стараго — первоначальнаго.

Грамматика отвѣчаетъ на вопросъ о научномъ значеніи тысячелѣтняго брата — языка славянскаго: „съ появленія первой славянской рукописи, перваго разумнаго употребленія письма, славяне вступали въ число христіанскихъ народовъ цивилизующейся Европы, пріобрѣтали оружіе для обезпеченія себѣ своего будущаго“ *) — и въ то же время стали воздѣйствовать на духовное развитіе собраталитовца.

---

*) А. А. Кочубинскій: лекціи — „Обозрѣніе славянскихъ нарѣчій“ ж. 2 ч., 1878-9 г.

Языки индо-европейскаго *) семейства распадаются на два отдѣла: а) южный (древнѣйшій) и б) сѣверный (позднѣйшій).

Къ южному дѣленію относятся классы — индійскій и иранскій: первый титулуется изычникъ дѣдомъ діалектовъ нынѣшней Индіи, развившихся на основѣ санскрита, древнѣйшіе памятники котораго сохранены въ священныхъ книгахъ индѣйцевъ — Ведахъ (составляющихъ краеугольный камень Браманской религіи и восходящихъ до XV ст. предъ Р. Хр.); второй — обнимаетъ нарѣчія Персіи, Афганистана, Курдистана, Бухары, Арменіи и Осетіи, развившихся на основѣ зендской, на которомъ написана Зендавеста — священная книга послѣдователей Зороастра, жившаго еще задолго до временъ Кира. Къ сѣверному отдѣлу индо-европейскаго семейства относятся: а) кельтскій классъ, къ которому теперь отчисляются діалекты Валлиса, Бретани, Шотландіи, Ирландіи и острова Мэна **); б) италійскій классъ, возникшій на основѣ діалектовъ древней Италіи — латинскаго, оскскаго и умбрскаго ***); в) эллинскій, подраздѣляющійся на древне- и ново-греческій яз.; г) германскій классъ (или тевтонскій), подраздѣляющійся на двѣ вѣтви — германскую (въ тѣсномъ смыслѣ) и скандинавскую ****); д) литово-славянскій классъ, раз-

---

*) Конечно, и не-арійскаго начала народности могли, какъ свидѣтельствуютъ словари живыхъ и почившихъ царствъ, влiять на лексическую сторону той или иной вѣтви; такъ, не слабо воздѣйствовали въ свое время семьи семитскіе (яз. арабскій, еврейскій, арамейскій съ халдейскимъ и сирійскимъ) и туранская (яз. тунгузскій, монгольскій, тюркскій, самоѣдскій, финскій и пр.).

**) Въ нынѣшнюю пору кельты не пользуются политическою самостоятельностью; но въ древнѣйшія времена вся Галлія, Бельгія и Британія были кельтскія владѣнія: сѣверная Италія населялась ими же — преимущественно.

***) Новые языки, возникшіе на основѣ италійскаго діалекта, называются романскими: португальскій, испанскій, французскій, итальянскій румынскій (валашскій) и рето-романскій.

****) А. Собственно-германская вѣтвь даетъ два отпрыска — верхне-нѣмецкій (яз. литературы: баварскій, швабскій, австрійскій, франкскій — вдоль Майна, саксонскій и др.; сюда же примыкаетъ умершій въ IX ст. языкъ готскій, на который была переведена Библія еп. Ульфилою, род. 311 г.) и нижне-германскій — съ діалектами сѣверной, или низменной Германіи (Plattdeutsch): для литературныхъ цѣлей не употребляется, —

росшійся въ два вѣтвистыхъ древа — литовское и славянское съ ихъ этнографическими сѣченіями на вѣточки *).

Славянское племя, какъ видно, самое многочисленное въ семьѣ арійской и занимають огромное пространство земли. Съ незапамятныхъ временъ пришли они изъ Азіи въ Европу и посѣли на всей восточной ея части. Ихъ владѣнія простирались отъ моря Балтійскаго до Чернаго и Адріатическаго и отъ Волги до Лабы (Эльбы). Сначала они говорили на одномъ языкѣ, разумѣется, составляя одно великое племя; съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ многоразличныхъ обстоятельствъ и въ силу своей разбросанности по огромному пространству — по причинѣ разнообразія климатовъ занимаемыхъ ими земель, вслѣдствіе воздѣйствія разнохарактерности другихъ народовъ, съ которыми приходилось сталкиваться — они и успѣли выработать отдѣльные свои особенности по нарѣчіямъ, въ совокупности благотворно вліяя на углубившагося въ дебри лѣсовъ ближайшаго собрата, который, въ силу долгаго сожительства, одинъ, вмѣстѣ съ славянскимъ представительствомъ, въ замѣчательной чистотѣ сохранилъ древній строй, ближе др. европейскихъ языковъ стоя къ санскритскому, красуясь въ сравнительной грамматикѣ.

сюда же относится и англійская вѣточка съ вымершимъ англо-саксонскимъ нарѣчіемъ, также голландская — съ нарѣчіями жителей Фрисландіи (С. В. Нидерландіи).

Б) Къ скандинавской вѣтви относятся три отпрыска: датскій, шведскій и исландскій (съ многими мѣстными нарѣчіями въ замкнутыхъ долинахъ и фіордахъ Норвегіи: литературный языкъ — датскій).

*) А. Литовскую вѣтвь составляютъ яз.: а) литовскій (въ тѣсномъ смыслѣ: на с. з.), б) латышскій (въ Лифляндіи и Курляндіи) и древне-прусскій, умершій въ XVII ст.

Б. Славянское древо даетъ вѣтви сѣверо-западную и юго-восточн.: въ первой относятся языки польскій, пораздѣленный между тремя государствами, — чешскій, дающій три отпрыска (с. чешскій — въ Богеміи, моравскій — въ Моравіи, словацкій — въ з. Венгріи), — лужицкій: верхне-луж. и нижне-луж.; юговосточную вѣтвь составляютъ языки — русскій, болгарскій и сербскій: послѣдній дѣлится на нарѣчія — с. сербское (Сербія, Чрногорія, Боснія, Герцеговина, Кроація, Далмація, Славонія, Истрія, Военная граница, Баната и др.), хорватское, или кроатское (Хорватія, ч. з. Венгріи), хорутанское, или словинское, (Штирія, Каринтія, Крайна и др.); болгарскій — въ мѣстѣ др. славянъ; р. вѣтвь составилась изъ трехъ вѣточекъ — великорусской (главнѣйшей), малорусской и бѣлорусской

